

НФБ: МИРЫ АРТЕМА КАМЕНИСТОГО

ДЕНИС ВЛАДИМИРОВ

S-T-I-K-S

ЛЮГЕР

S-T-I-K-S

Денис Владимиров

S-T-I-K-S. Люгер

«ЭКСМО»

2019

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Владимиров Д.

S-T-I-K-S. Люгер / Д. Владимиров — «Эксмо», 2019 — (S-T-I-K-S)

ISBN 978-5-04-101206-9

Продолжение романа «Вальтер». В мире S-T-I-K-S, разделенном на множество кластеров, ни в чем нельзя быть уверенным. Время от времени кластеры перезагружаются, обмениваясь содержимым, включая людей и животных. Кто-то при очередном переносе превращается в кровожадного монстра, а кто-то приобретает сверхвозможности. Судьба улыбнулась Люгеру – он смог не только выжить, но и обрести способность к телепортации. Но удача оборачивается злой насмешкой. Теперь ему нельзя останавливаться, а цель одна – добраться первым до наследства рейдера, предавшего всё и всех...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-101206-9

© Владимиров Д., 2019
© Эксмо, 2019

Содержание

Часть I	6
Глава 1	6
Глава 2	16
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Денис Владимиров

S-T-I-K-S. Люгер

© Владимиров Д., 2019

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет за собой уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Часть I Иммунитет

Глава 1 Скреббер

Гога Безбашенный теперь по праву носил свою кличку. Крестный, давая ему имя, видимо, оценил умственные способности, помноженные на боевой задор, подчеркнул и ярко выраженную неславянскую внешность. Теперь же Каштан и физические параметры тела привел к общему знаменателю – когда картечь почти отделила голову Гоги от туловища.

Казней я за свою жизнь видел достаточно. Поэтому мне было неинтересно наблюдать, как тяжелый свинец впился в мягкую плоть, разрывая ее, разбрызгивая в стороны кровь, а порох, вытолкнувший металл, своим огненным дыханием опалил блестящий на солнце бритый затылок приговоренного.

Москвич откровенно скучал, смотря осолопевшими и сонными глазами куда-то в сторону. Рядом с ним Дохлер думал о чем-то своем и старательно полировал ногти. Зондер и еще несколько водителей торжествовали – кара настигла злодея. Гыча и Тальк негромко переговаривались. Третьяк, брезгливо поморщившись, сплюнул сквозь зубы, наблюдая, как Каштан с плотоядной ухмылкой выжимает спуск дробовика. Крестный только скорбно покачал головой.

Обставить казнь бандита наверняка можно было и с меньшей помпой: петля и веревка, нож, бесшумное оружие – все это имелось под рукой. Но, похоже, таким образом Каштану дали возможность спустить пар. На вопрос Москвича: «Что делать с Гогой?» – командир ответил коротко и четко:

– Эту «шестерку» до Острога не потащим. Все равно ничего нового в СБ не скажет. Лишняя возня и перевод живца. Каштан, исполни, только без излишеств – времени нет. И сделай все желательно потише...

Трофейный барабанный дробовик – а раньше я не замечал подобного экзотического карамулька ни у кого из рейдеров, – как ничто другое, подходил для «желательно потише». Что же касалось «излишеств»... Они уже и не требовались, их использовали во время военно-полевого допроса, хотя пленному, на мой взгляд, и во время пыток оказывали милосердие. Это же Улей, поэтому выколотые глаза, отрезанные уши и гениталии, сломанные пальцы, скорее всего, зажали бы, срослись, отросли, поставь кто-то задачу вылечить Гогу. Однако добрых докторов не наблюдалось, а Айболиту, после попадания пули из «КПВТ» в грудь, самому требовалась помощь, выходящая далеко за рамки людских возможностей.

Слова Бармалея подтвердились, и бандит Безбашенный лишь немного раскрасил часть рассказа килхантера, внося несколько субъективных оценок о ситуации в целом, но ничего нового не сказал. Действительно, в иерархии он только-только поднялся на следующую ступень. Хотя был перспективным товарищем, ведь Джокер, судя по обрывкам фраз и разговорам, являлся довольно известной фигурой в местном муровском мире.

Конвульсии еще долго сотрясали практически мертвого человека – тело Гоги не верило в смерть. Под одобрительным взглядом Каштана Зондер несколько раз от души пнул безголового мертвеца, а затем плюнул – смачно, с чувством.

Я же встретился взглядом с Третьяком, который мотнул головой в сторону, сигнализируя вполне понятно: мол, отойдем. До этого момента не удавалось переговорить с ним с глазу на глаз, все время кто-нибудь рядом крутился.

– Короче, слушай сюда, – начал тот, посмотрев мне в глаза.

– Так точно, гражданин начальник, только сначала ответь мне на два вопросика: зачем было нужно это представление с крещением? И почему Люгер?

Крестный недовольно поморщился, задумался. В действительности же меня интересовало несколько другое: во-первых, складывалось ощущение, и никак не слабело, что я по краю прошел. Чуть-чуть к праотцам не отправился. Впрочем, чувства к делу не подошьешь, а верить только эмоциям – отдает психическим расстройством. Но, как говорил в Конго инструктор, которому я платил немало: «Лучше быть живым шизофреником, чем мертвым прагматиком». И, конечно, нездоровой наивности во мне не было ни капли. Поэтому вариант, что сейчас Третьяк как на духу выложит всю подноготную, а потом упадет в ноги с мольбами: «Прости меня, засранца, Валь... тфу, Люгер», я относил к фантастике, и даже не к научной. Во-вторых, новое имя было непривычно. И так катал его на языке и эдак, чуждое и вроде бы не мое. С другой стороны, нравилось ли прозвище тому же Гоге или Люле? А Зондеру или Дохлеру? Нет, сейчас привыкли, но поначалу?

– Шмайсер или АКМ лучше звучит, что ли? – в традициях богоизбранного народа ответил крестный. – Хеклер? Тоже не то... Как назвал, так и назвал! Я так вижу! Понял? «Вальтер-Люгер» – звучит неплохо. Скажи спасибо, что в духе Цементы не окрестил! – неожиданно в голосе Третьяка прорезалась злость. – Про «цирк» же скажу так. Народ здесь зрелищами не избалован – думал, ты и сам до этого дойдешь, – поэтому люди запомнят надолго такое представление. И теперь, вот увидишь, стоит только добраться до обжитых мест, и слава о тебе как о моем крестнике пойдет в массы. Тем более что у меня репутация имеется. Поэтому гниль самого Цементы мимо пройдет, чего не скажешь о его наследии – куче дерьма, которую тебе еще предстоит разгрести. И в любом случае надо сказать: «Спасибо, крестный».

– Спасибо, крестный, – усмехнулся я и постарался, чтобы уж не совсем криво. – И часто тебе доводилось подобные ритуалы проводить? Обставил ты все с блеском, как Ленин на броневице.

– Не часто. Всех своих, конечно, не упомяну. Но их меньше, чем у того же Цементы. А отозвал я тебя по другому поводу. На Каштана и других больше так не пялся. Чревато. И ты многого не знаешь про него. Еще один нюансик постоянно держи в голове – до хрена вокруг тех, кому он больше чем кровный брат.

– А как я на него смотрел-то?

– Типа сам не знаешь? Будто в свой расстрельный список заносил вместе с Зондером и водилами. Запомни: все, кто здесь присутствует, далеко не мальчики, и ментаты среди них имеются, а еще Улей и без всяких даров чувства обостряет, поэтому сдержанней надо быть, гораздо сдержанней! И эту истину запомни накрепко. Заруби себе на носу! Ты мой крестник, и я за тебя в ответе. Осознал?

Утвердительно кивнул. Чертовы ментаты, нигде от них нет спасения. Вот уверен, по моему лицу вряд ли можно было что-то прочесть. Так ведь, гады, по эмоциям вычислили. Ну не люблю я тех, для кого хладнокровное убийство выходит за рамки необходимого дела! Как вижу наслаждение от палаческого ремесла на чьей-то роже, ярость сама собой просыпается, душит, давит. И сразу воспоминания, как я оказался в чертовой клетке, а тем временем борцы с режимом дважды, а иногда трижды в день освобождали соседние помещения. Носители демократических ценностей – садист на садисте. На поток дело поставили, с радостными криками и воплями творили такое, что волосы дыбом поднимались.

Часто даже не выводывали, где ценности припрятал их клиент, действовали из любви к искусству. Потом тут же, буквально в десяти метрах, расстреливали возле дренажной канавы, которая служила еще и местным очистным сооружением, куда стекались дерьмо и помои со всей округи. И зачастую высаживали с гиканьем и гоготом в жертву по полмагазина. Палачей потом поборники местной тирании вздернули высоко. И, на мой взгляд, они легко отделались. Вот и возникла у меня тогда фобия, о которой и психотерапевтам нельзя рассказывать.

Тогда же... Было страшно до нервной дрожи, до молитв, обращенных к неизвестно какому богу, посылов ему и посулов. И отчего-то не столько пугал пыточный стол, заляпанный кровью, с валяющимися рядом кусками человеческой плоти, которые густо облепливали огромные отожравшиеся сонные мухи, лениво перелетающие с места на места в поисках вкуса. Приводила в настоящий ужас мысль, что окажешься после смерти в грязной канаве, заполненной нечистотами и другими уже подгнившими мертвецами. Да, не скрою, пытки страшили, пугали, и очень, но ужасал именно этот факт. Он и отпечатался, свидетельствуя о странности человеческой натуры – ведь мертвому безразлично, где и как превращаться в компост.

Крестный же, что-то опять почувствовав в моем настроении, добавил:

– У Каштана девчонку, с которой любовь была настоящая, на его глазах муры разобрали, предварительно изнасиловав скопом. Он же ничего не мог поделать – спеленали и в клетке держали. Его хотели сдать ресам, те за рейдеров с редкими дарами гораздо больше отстегивают, чем просто за органы. А Джулия была неинтересна, у нее самое частое умение – зажигалка. Так что... Не смотри на него так. Понял?

Что тут скажешь? У каждого своя правда.

– Да понял я, понял. Но ведь не Гога ее насиловал?

– А разница есть? Запомни, все муры одинаковые! Ты думаешь, на ровном месте ненависть берется? Если сравнить, то вроде бы и различий между рейдером и муром особых нет. Но запомни хорошо – они имеются! И дело не в том, что, попав в Улей, мы стали борцами за справедливость, как есть тут некоторые одаренные. Знаю эту хипстерню! Всю жизнь на Земле занимались хреню, а тут вдруг решили избавить мир от зла. Недолго живут, глупо дохнут.

Замолчал, покопался в разгрузке, достал мятный «Стиморол». Рассматривал его секунд пять, а затем привычно закинул в рот три подушечки. Скривил довольную гримасу, продолжил:

– Тут все просто, практически у каждого из нас, – он обвел пальцем окружающее пространство, – кто-то из близких погиб от рук муров. И погиб страшной смертью. Гоге же вообще одолжение сделали, так бы, по-хорошему, его следовало скормить тем же пустышам. Джокер никакими принципами, пусть и извращенными, каким следует банда дядюшки Ау, никогда не заморачивался. Так что легко ушел, урод.

Сказанное как-то не вязалось с мимикой и жестами Третьяка во время казни. Или я чего-то не понимал? Мелочи же вроде косых взглядов, с одной стороны, полная ерунда. Но есть паскудная черта у подобных незначительностей: они плюсуются. Здесь не так посмотрел, там не так сказал, тут не тот жест, а когда дело доходит до выяснения отношений, и по-взрослому, это быстро все складывается на чашу весов против твоего бесценного мнения, и каждый, кто свидетельствует против тебя, добавляет веса этой чаше. А там бей, рви, борись за свою жизнь настолько яростно, насколько ты ее любишь.

После казни бандита все, кроме расставленных часовых, быстро пообедали – ели продукты, привезенные из местного супермаркета. А затем споро погрузились в технику. Спасенные свежаки: девушка и звероватый мужик...

Я поразмышлял и сам изумился. Во как! А я-то, оказывается, уже матерый рейдер, без пяти минут ветеран. Так вот, спасенных разместили в том же «Тайфуне», в котором ехали и мы. Туда же забрался и привлеченный Гранитом боец Каспер. Сейчас он напоминал нахохлившегося воробья, злого и наглого. Недовольно зыркал по сторонам, вставляя едкие комментарии в общей беседе с Третьяком.

Несмотря на увеличившееся количество техники, колонна не растягивалась. Шли почти бампер в бампер. За поселком рельеф местности постепенно понижался. Невысокие горы, поросшие липняком, перемешивающиеся с редкими дубравами, сменялись холмами с голыми макушками, а вскоре перед нами раскинулась, насколько хватало глаз, равнина. По обеим сторонам грунтовой дороги зеленели, чернели и золотились поля, на которых часто редкими островками то тут, то там, вздымались березовые и осиновые пролески. Интересно было наблю-

дать, как посреди сгибавшейся под тяжелыми колосьями пшеницы вдруг оказывался клочок земли с кукурузой или подсолнухом. Границы между кластерами довольно легко определять по линиям электропередачи – на стыке между сотами провода обрывались.

Практически через каждый километр, а иногда и через пятьсот метров, останавливались. Толстяк Дохлер вылезал из десантного отсека бэтэера, следовавшего в середине колонны. Пыхтя, но довольно сноровисто забирался на башню, где минут на пять замирал, зажимая глаза и широко раскинув короткие пухлые руки. Докладывал по общему каналу: «Чисто» – и мы двигались дальше.

– Так и будем здесь ползти, пусть и медленно, но риска меньше, – прокомментировал для меня Третьяк. – У нас обычно еще пара дронов ресовских в запасе была, поэтому быстрее все происходило, но пупсики и тут обгадили – в шишиге остались.

– А что пупсики опять сделали? – тут же влез расположившийся напротив Третьяка любопытный Каспер. Он даже подался вперед, хотя мгновение назад сидел, вальяжно развываясь.

Крестный односложно, в нескольких фразах, объяснил, рейдер поцокал возмущенно языком, затем задумался на десяток секунд, почесал щеку и выдал свой вердикт:

– Нездоровая хрень в последнее время происходит. Что-то слишком все завертелось, и как-то непонятно. Со всех направлений...

Обстановка внутри стального короба убаюкивала, расслабляла. Мерно покачивалась тяжелая машина, лишь иногда на выбоинах на дороге очередного стаба ее ощутимо трясло. Спасенная девушка оставалась пока безымянной, не успев выбрать себе имя. Она умудрилась задремать, удобно устроившись в десантном кресле сразу за водителем. Она мило улыбалась во сне, отчего ее довольно симпатичное лицо становилось уж совсем каким-то красивым и беззащитным. Натерпелась, бедолага. Хотелось укрыть ее одеялом, подоткнуть его. Давно у меня ничего нормального в жизни не было, вот подспудно и мечтаю о простом человеческом счастье, хотя обычно все мои мысли – о делах, деньгах, возможностях и связях.

Мужик-«неандерталец» думал о чем-то своем, на лице мелькала гамма чувств, от некой обреченности и покорности судьбе до лютой злобы. Тогда он стискивал кулаки и беззвучно шевелил губами. Изредка внимательно слушал рейдеров, но с вопросами к ним не лез. Или еще пока до конца не акклиматизировался, или же его за сутки успел насчет части местных реалий просветить Каспер.

– А что непонятного-то в последнее время происходит? И каких таких направлений? – мой крестный, судя по ленивому тону, задал малоинтересный ему вопрос. Но, уже немного зная Третьяка, зная, как он на раз просчитывал собеседника, заставлял его действовать в русле своих, не ведомых никому интересов, я понял, что он выбрал такую тактику ведения разговора специально. Вообще-то с крестным следовало держать ухо востро. Очень и очень непростой товарищ, хоть и неплохо маскировался... С другой стороны, может, это я все придумываю, а на самом деле нет никакого второго дна? Да и кто из нас простой? Я тоже действую, преследую свои интересы, а не чьи-то, так почему другие должны поступать иначе?

Каспер вновь резко подался вперед и начал выговаривать зло, сердито и раздраженно:

– Смотри сам! Ресы слишком много себе силы взяли! Это раз! – загнул он большой палец. Довольно необычно начинал вести счет, в большинстве случаев мизинец загибали или, реже, указательный. – Дальше, война эта, никому не нужная, – два! – Его мизинец образовал кольцо с большим пальцем, получившуюся конструкцию рейдер продемонстрировал Третьяку.

– Да что необычного-то? Все как всегда... – крестный остался при своем мнении.

– Да не все и не как всегда! – Злая гримаса исказила лицо Каспера. Не человек, а порох, заводился на раз. – Что, всегда в Остроге такие непонятки происходят? А еще собрались с внешниками в «люблю» играть! Поговаривают, вроде посольство их или представительство от цитовиков будет! Чем не Монако?! Это три!

– Говорят – в Париже кур доят, – Третьяк даже усмехнулся, но без злости, скорее констатировал факт.

– Да? Кур доят, говоришь?! А как тебе нездоровая суeta килдингов? И я знаю одно: если эти уроды начинают шуршать, значит, жди дерьмеца тележку! Может, поспоришь?

– Откуда такие данные-то? – Крестный широко зевнул, отчего стали видны абсолютно здоровые ровные зубы, и только в последний момент прикрыл рот кулаком в штурмовой перчатке. А тон недоверчивый, но уже слегка заинтересованный.

– Про посольство – уже с месяц как слух прошел. Ресы тоже активизировались примерно в это время. Может, чуть раньше. Недели две назад, как с килдингами возня началась. А на сегодняшний день обнаружено то ли пять, то ли шесть капищ в окрестностях Острога. Рядом с основными опорными пунктами. Где по одной жертве, где и сразу могильник. Возле Северо-Западного форпоста целый хутор вырезали. Чей, правда, неясно. Шамановские или не успели все пробить, или сразу, в своих традициях, все засекретили. А у меня приятель там в интендантах ходит. Сказал, что ГБР перед приездом эсбэшников восемнадцать жертв насчитала. Ну, все как обычно? – явно пытаюсь поддеть Третьяка, мстя за его недоверчивость, задал вопрос Каспер.

– С полгода назад они тоже вокруг Острога шуршали. Острог на месте.

– А вот теперь сюда до кучи приплюсуй, что крестовики какую-то муть готовят, то ли рейд на Пекло, то ли еще какую дрянь! Самых результативных ловцов жемчуга подыскивают, и все тайно, тихо. И месяц ни одной, даже самой маленькой, орды возле форпостов и опорок не наблюдалось! Цены-то с чего на горох вверх поперли, с восьми рубликов уже для граждан стали двенадцать. Про остальной сброд говорить не приходится. Так что сам думай.

– Знахари-то на месте?

– Эти на месте. Да и куда им валить-то? Острог при любом раскладе выстоит, а они за его стены не выходят.

– Вот видишь, не все так печально. Есть островок стабильности в этом царстве хаоса, – ухмыльнулся крестный.

А Каспер тихо выругался сквозь зубы.

– Да?! Не все печально, как ты говоришь?.. Стабильность?! Ну-ну! Скажи еще – процветание! А как тебе, что Говорливого грохнули?! А?! Прямо у него дома! В Остроге! Он же, мать его так, легенда! Уже почти двадцать лет воздух тут коптил. И завалили его какие-то мутные фраера, никого живьем взять не удалось. Последний пулю в башку себе пустил. Понимал, что его ждет.

– Смысл?

– Весь смысл в том, что жемчуга они нехило взяли, сколько точно – может, шерифовские и скажут, а так народ поговаривает, что очень много, считай, подсумок «ПКМ» под завязку. Но сам не видел, наврать могли, могли и от широты души преувеличить. Говорливый же – смотреть страшно. Евгения – она-то всего, считай, навидалась, сколько лет в морге работает. Но проболталась, сказала: «Вы не представляете, что с ним сделали!»

– Раз жемчуг взяли, почему не свалили? Не успели?

– Да кто его знает. Полы повскрывали, со стен штукатурку посбивали. Опять же разговор был, что искали они белый жемчуг. Недели три назад завалил Говорливый вместе с бандой Синицы скреббера...

– Слышь, Каспер, ты не мальчик вроде?! Да?! Так какого хрена ты тут вслух поминаешь то, что поминать нельзя?! – неожиданно чуть не подпрыгнул на месте уже Третьяк, а глаза бешеные. Смотришь в них и понимаешь: на грани мужик, тронь – взорвется.

– Третьяк, и ты туда же... – теперь криво и с неким сожалением усмехнулся Каспер. – Как бабы, суеверные все – то нельзя, это нельзя!

Казалось, ничего не изменилось, однако в воздухе повисло напряжение. Расхожий штамп «атмосфера накалилась» здесь подходил более других выражений. Оба рейдера вроде бы не поменяли положений тел, но как-то подобрались, глаза у обоих злые, решительные. Еще чуть-чуть – и пустят в ход оружие. Почему? Зачем? Черт его знает!

И опять девайс Бармалея ощутимо нагрелся, как в момент моего крещения. Я же клял себя на все лады – расслабился, слишком удобно уселся, автомат на десантном кресле рядом, до пистолета тянуться долго, учитывая повальную быстроту матерых рейдеров, к которым относились оба спорщика, так что шансы у меня были неоднозначные.

С «Зарей» финт тоже не прошел бы – гранатный подсумок застегнут. Ресовский боевой нож так сразу и не достанешь. И еще, главный вопрос: на чьей я стороне в этом споре?

Конечно, с точки зрения идеалиста такой вопрос даже стоять не должен – только крестный, только хардкор! И что я получаю? Неизвестно. В случае же гибели этого крайне мутного товарища все узнанное им, по крайней мере детали и нюансы моего появления в Улье, а также обстоятельства смерти Цементы, точнее, кто ее ему подарил, – все канет в Лету. И буду чист со всех сторон. Потеря лояльно настроенного ко мне рейдера, готового делиться знаниями об окружающем новом мире, тогда не так ощутима, тем более что все концы моей неприглядной и вызывающей много вопросов истории уйдут под землю.

Несмотря на показное дружелюбие, а может, именно из-за него Третьяк в моих глазах выглядел крайне темной лошадкой. И не верил я, что он не преследует каких-то своих целей и интересов, которые уже связал со мной. Но это ощущения, их к делу не подошьешь.

Каспер же... Каспер мне просто не нравился. Слишком дерзкий, слишком наглый, не по чину, что ли. Хоть и одиночка, да еще и бродил там, где другие только с отрядом и на броне. Но в любом случае такие, как гласит народная мудрость, своей смертью не умирают. От себя я мог добавить только одно: зачастую те, кто находился рядом, в итоге оказывались в той же могиле, где и возмутители спокойствия.

Кроме здоровых опасений быть зацепленным в потасовке мелькали, чего перед самим собой скрывать, шальные мысли – плеснуть керосина на пламя разгорающейся дружбы между двумя товарищами. И посмотреть, чья возьмет. Я в любом случае в плюсе.

Тем временем во сне пошевелилась девушка. Что-то пробормотав, она опять улыбнулась, и, несмотря на грозу, зреющую в воздухе, мне хотелось улыбнуться в ответ.

«Неандерталец» тоже напряжился. Понял, что неспроста повисла тишина, которая не предвещала ничего хорошего. Вот еще одна проблема! Ай да я, ай да стратег, совсем из виду его выпустил, счел – не вооружен, значит, не опасен. Опасен, очень опасен, пусть и потенциально. Мужик здоровый, сильный, а здесь помещение тесное, и неясно, какими он талантами обладал.

Между тем два рейдера медленно поднялись, смотря друг другу в глаза. Это что за вестерн, черт возьми?

Третьяк глубоко вздохнул и заговорил вполне спокойно, сквозь зубы, чуть растягивая слова, его красная морда не выражала никаких эмоций:

– Слушай, Каспер, и слушай внимательно. Если тебе на свою жизнь плевать, то мне еще нет! Как и всем остальным. Там в одиночку, – кивнул куда-то за спину, – можешь болтать что хочешь, а здесь же...

– А теперь слушай ты! – перебил его рейдер, зло ухмыльнулся и с неким торжеством в голосе начал вещать: – Мне ваши суеверия до лампочки! Понял?! Ты понял меня, Третьяк?! – Каспер вновь усмехнулся и неожиданно заорал во всю глотку: – Скреббер! Скреббер, скреббер, скреббер! Ну, что случилось-то?

Миг – и ствол пистолета Третьяка смотрел в лоб рейдера, но и тот был не промах. Поэтому такой же «глок» был направлен в шею, чуть ниже подбородка крестного. Замерли. Каспер напрягся, капельки пота выступили на лбу. Пауза затягивалась.

Взревела рация голосом Гранита:

– Внимание! Колонна! Построение «Орда»! Дохлер! Работай с места!

«Тайфун» резко затормозил, отчего Каспер и Третьяк рывком подались вперед, путаясь в ногах сидящих и падая. Дважды грохнул, оглушив в закрытом помещении, чей-то пистолет. Снаружи раздался гулкий бас «КПВТ», затем по сравнению с ним очень тихо протарахтели две короткие очереди из «ПКТ». На эти разнообразные звуки наложился пронзительный визг девушки, неслабо резанув по ушам.

Наш автомобиль резко вывернул с проселка, водила же с бледным вспотевшим лицом вцепился в руль. Спорщики в пылу драки катались по полу. Крестный почти взял на болевой прием руку Каспера, но тот смог вырваться, однако Третьяк ловко оседлал противника и принял его души.

Я, уцепившись за поручень, увидел, как мужик-«неандерталец» с каким-то детским выражением лица, на котором были написаны изумление, страх, осознание своей обреченности, смотрел, как на его майке – на животе и на груди – расплываются два красных пятна.

А пол под нами вновь подбросило. Раненый – или убитый? – свалился на бронированный пол, пачкая его кровью.

Визг девушки, на одной ноте, долгий-долгий.

Надсадный рев насилуемого водителем двигателя.

Яростная сдавленная ругань Каспера.

Все перемешалось.

Третьяк, задыхаясь, уже в голос крыл матом, сдавливая шею Каспера, тот, пытаясь освободиться из захвата, потеряв пистолет, шарил в районе пояса, где у него находился нож.

Вот рука Каспера ухватила рукоять...

Я в одном стремительном прыжке оказался рядом и изо всех сил опустил ногу в тяжелом туристическом ботинке на руку с ножом. Противник крестного дернулся, его лицо исказила гримаса боли. Но тут пол неожиданно замер на мгновение под ногами. Инерция потащила меня вперед – не удержался на месте. Подался, пригибаясь, и врезался головой в спинку пассажирского сиденья рядом с водителем. Хорошо, что был в каске.

Дезориентированный, я вскочил, разворачиваясь, выхватывая пистолет Ярыгина. Что-то орала рация.

В это время «Тайфун» окончательно затормозил.

– Суки! А ну все на пол! Прекратили, я сказал! Или всех тут положу! – проревел водитель, резко вставая с автоматом в руках и разворачиваясь лицом к разыгрываемому действию. Видимо, желая увеличить вес аргумента, передернул затвор, отчего выброшенный патрон, вертясь в воздухе, звякнул о броню пола.

Напуганная девушка продолжала кричать, но уже тише, прерываясь, набирая воздуха в грудь. Из наушника рации несло:

– Третьяк, Третьяк, ответь, что, млять, у вас за бардак?!

– Все нормально! – сдавленно ответил тот, отпуская Каспера, жадно хватяющего ртом воздух. – Свежак в минуса ушел. Случайность.

– Да что за млядство?! – а дальше в нескольких коротких фразах Гранит обрисовал, что сделает со всеми, каким образом и какие использует для этого средства.

Я бросился к «неандертальцу», так и не получившему своего второго имени, но уже слабо подававшему признаки жизни. Руки и ноги мелко подрагивали – похоже, предсмертные конвульсии. Попытался нащупать пульс.

– Люгер, оставь его, – не обращая внимания на автомат водителя, поднялся на ноги Третьяк. – Мертв он! Погас!

– Как погас?

Все вокруг залито кровью, запах пороховой гари забивал другие.

– Дар у меня. Чувствую живых. Он пропал! – односложно ответил крестный, а затем с ненавистью посмотрел на противника. – А ты, мудила, живи пока, но помни, урод, свежак на твоей совести...

И хотел пнуть в бок усевшегося уже на заднюю точку рейдера, дышащего, будто загнанная лошадь. Однако Каспер ловко перехватил его ногу, повернул, дернул на себя, и опять они покатались по полу.

– Я тебя, сука, задавлю, – сдавленно шипел Третьяк.

Вновь закричала девушка, лицо перекошенное, в глазах слезы, страх.

Водила что-то тоже орал. Но эффект от его угроз был нулевой.

Я шагнул к борющимся рейдерам. Выбор теперь простой.

Приставил пистолет ко лбу Каспера и усилил нажим ствола.

– Еще дернешься – завалю, – сказал и понял, действительно нажму на спуск. Злости на этих придурков столько, голыми руками порвал бы. – Ты тоже, Третьяк, давай бери себя в руки, не гимназистка, – скомандовал.

Тот медленно оторвал руки от шеи Каспера, развел их, выставив перед собой ладонями вперед, а рожа злобная. Медленно встал, сделал шаг назад.

– Успокоился? Или веса в мозги добавить? – обратился я уже к Касперу. Тот с ненавистью, буравя меня взглядом, кивнул. – Это хорошо!

Я убрал пистолет от его головы, но не спешил прятать оружие в кобуру, наоборот, держал так, чтоб в любую секунду открыть огонь.

Водила, срываясь на мат, докладывал в общий о том, что произошло. В его интерпретации история с дракой звучала довольно коротко, но очень емко: «Гранит, эти мудаки долбались».

Каспер не сделал попытки потянуться к лежащему рядом с ним пистолету. Было ясно, что крестный при первом же поползновении противника схватить пистолет пристрелил бы рейдера со спокойной совестью. Так что Каспер лишь сплюнул кровавую слюну и вытер губы тыльной стороной ладони.

– Запомни, Каспер, мы не закончили, – опять влез Третьяк.

Вот чего неймется товарищу?

– Запомню, я хорошо это запомню! – Тот смерил крестного злым и каким-то мечтательным взглядом. С другой стороны, все ясно, врагами они стали настоящими, и в случае чего тот же Каспер в спину выстрелит Третьяку. Про последнего – не знаю, непонятно до сих пор, какие игры он затеял и для чего. Когда же неясна чья-то конечная или промежуточная цель – ошибиться легче легкого.

– И правильно! Хоронить мужика будешь ты. И еще примета есть: кто обидит свежака, тот долго не проживет. Вот и посмотрим, действует она или нет, суеверие это или же законы нашего существования, – крестный победно осклабился.

– Ты бы пасть захлопнул, а?! – начал снова заводиться Каспер, но, видимо, отметив, что силы неравны, замолчал. Впрочем, Третьяк тоже не сказал больше ничего.

Убитый смотрел на меня снизу вверх широко раскрытыми глазами, в которых до сих пор читалось изумление. Я закрыл их, присев рядом с мертвецом на корточки. Походя отметил, что мои сумки с хабаром, и так чистотой не блиставшие, теперь еще и изгвазданы в крови.

Не знаю почему, но, когда я рассматривал «неандертальца», меня проняло до печени. И дело не в самом факте наличия трупа – покойников я видел предостаточно и, похоже, еще насмотрюсь на них, если сам не погибну. Дело в глупости этой смерти. Человек погиб на ровном месте, даже не от тварей, не от бандитской пули, а попав под случайный, заведомо дружественный огонь.

Живешь так, живешь, из такого вроде бы дерьма выпутался, планы какие-то начал строить... А тут два выстрела из-за двух, строго по водителю, «мудаков» и дебильного спора из-

за невнятного «скреббера», и точка. Жирная, сука, такая точка. Во всем! Нет больше ничего, и ничего не будет. Здоровый мужик, мощный, спокойный, да на нем пахать можно было... сейчас остывал.

– Люгер, за мной! Люгер! Ты чего завис? – Рывок Третьяка за плечо привел в чувство. – Давай, давай, не морозься! И ты тоже, – чуть ли не с ненавистью обернулся он к Касперу, на роже которого тоже до сих пор читалось огромное желание убивать. Тот шумно, через нос выдохнул, хотел что-то сказать, но затем поднял пистолет, сунул его в кобуру. И нацепил вечную уже, наглуую улыбочку на лицо.

Массивная стальная дверь десантного отсека медленно опустилась вниз.

Относительно команд, отдаваемых водителям, их построениям и действиям на случай какой-либо угрозы, меня никто не просвещал. Впрочем, весь инструктаж по большому счету заключался в простом: «делать, что скажет Третьяк или кто-то из других рейдеров-старичков». И чем больше я смотрел на эту банду, тем больше понимал, что, несмотря на наличие какой-то даже субординации в отряде, отменной личной боевой выучки практически всех рейдеров, их огромного опыта выживания в Улье, на воинское подразделение они не тянули от слова «совсем». Пусть это и не стадо баранов, но сбита в кучу разношерстная компания. И, на мой взгляд, бойцы отряда только чудом оставались в живых. Может, это командир так всех расслабил, ведь упоминалась в разговорах какая-то его личная трагедия, а может, они всегда так себя вели – и им везло.

Дары, помноженные на Удачу, привели к тому, что на них только и полагались, а на остальное внимания не обращали. Второй уже прокол реальный. Первый с засадой, а здесь на ровном месте потеряли человека. И отношение к ЧП примерно такое, как в известной поговорке: «Умер Максим, да и хрен с ним!»

Построение «Орда» оказалось незатейливым, но, похоже, испытанным не раз. БТР с Дохлером, который уже колдовал на крыше, находился в центре. Вокруг него остальная техника расставлена так, чтобы в случае чего рассыпаться в разные стороны, не мешая друг другу, имея возможность вести по секторам огонь из орудийных башен.

Я так понимал, что все дело в даре рейдера, который мог ставить завесу невидимости или еще чего. Судя по разговорам, зараженные, когда работал Дохлер, не видели предмет вождения – вкусное и еще живое мясо. Но его умение ограничивалось куполом радиусом тридцать метров. Сам эффект наблюдать еще не доводилось. Был и нюанс на момент применения дара: те зараженные, которые оказывались внутри прикрываемого пространства, вполне все видели, чувляли и вели себя соответственно.

Сейчас, несмотря на общие пухлые формы и обычную несерьезность, в облике Дохлера нет-нет и проглядывал хищный зверь, готовый к прыжку. Подобрался, собрался. Рядом уже находилась неразлучная парочка – Москвич и Каштан, которые с оружием на изготовку наблюдали за окрестностями.

– За мной, – снова скомандовал Третьяк и полез по металлической лестнице на крышу нашего «Тайфуна». Здесь, упав на живот, всмотрелся куда-то в даль. Я последовал его примеру, а рядом со мной бухнулся Каспер, видимо, не очень удачно, так как сдавленно выругался.

С крыши было видно, что недалеко, позади ошестинившейся и сбившейся в боевое построение колонны, рядом с обочиной валялись две туши зараженных. Или матерые кусачи, или руберы. Видимо, их из «КПВТ» и «ПКТ» достали. Не зря же они грохали.

– Вон! Туда смотри! – коротко бросил крестный и ткнул пальцем вперед.

– Твою мать, орда! – сразу же оценил обстановку Каспер.

В полутора километрах впереди какая-то темная масса медленно ползла по полю. Сначала я не понял, что же вижу на самом деле, а когда мозг обработал информацию, то холодок пронесся от позвоночника к затылку. Чернота, которая расплзалась по земле, оказалась не чем иным, как тысячами, а может, десятками тысяч зараженных.

Достал бинокль.

М-да, кого здесь только не было, начиная от еле-еле бредущих пустышей и заканчивая огромными монстрами, которые были всей элите элита. В высоту не менее четырех-пяти метров, гориллообразные, покрытые костяной броней, шипами, они часто имели асимметрично развитое тело, и хоть мелких деталей разглядеть не удавалось, но мороз по коже шел знатный. Эти твари смотрелись волкодавами, удивительным образом оказавшимися в своре болонок или пекинесов. Делалось не просто страшно, а жутко, до шевелящихся на затылке волос и мороза по позвоночнику.

Очень часто встречались и экземпляры двух- и трехметровой высоты, но от них не распространялась аура настолько зловещей силы.

– Заметят – нам хана, – констатировал Третьяк и опять зло посмотрел на Каспера, будто во всем был виноват именно он.

– Да что ты на меня все пялишься? Это, твою мать, всего лишь совпадение, – отчего-то шепотом ответил тот, в его глазах виднелась растерянность.

– Посмотрим. Не сдохнешь из-за свежака в течение недели, сам так и скажу. Но сейчас, – крестный ухмыльнулся, – я готов поспорить с Люгером на черную жемчужину, что ты не протянешь и двух суток. Забьемся? – посмотрел он на меня.

– Я пас, – отрицательно мотнул я головой.

– Вот видишь, Каспер, язык кого-то до Киева доводит, а тебя до могилы. И да, держись подальше. Желательно от всех подальше. Не хочется по твоей милости под молотки попасть.

У меня складывалось ощущение, что Третьяк не шутил, он действительно похоронил рейдера. Вот он вроде бы живой, относительно целый, бодрый, и ничего выходящего за рамки обычной их жизни не произошло, но после слов крестного на лице Каспера промелькнула какая-то обреченность, сам же он нет-нет и посматривал затравленно.

А твари тем временем брели и брели. Шли они медленно, видимо, приноравливаясь к скорости пустышей. Зачем им нужны пустыши? Толк от них как от боевых единиц практически нулевой. Но в количественном соотношении их было в разы больше, чем тех же жрачей. Или твари никуда не торопились? Этот вопрос и озвучил Третьяку, когда тишина стала совсем зловещей. Не люблю такие моменты: хоть и не барышня, но на нервы они давят.

– Так это же их провиант. Ну, типа консервы. Где на всю эту прорву жратвы набрать? А путешествуют они порой не по одной сотне километров. Вот и получается, что собирают по окрестностям всех низших и двигают куда-то по своим задачам. Проголодались – заточили парочку, ну или пару десятков. Сожрали всех, и дальше вверх по списку, по пищевой цепочке. В конце останется только один, – заржал крестный.

Надо же, хоть кому-то весело!

Я вновь посмотрел на Каспера, тот прилип к биноклю, двигал зачем-то челюстями, а на лбу выступил обильный пот. От его боевого задора не осталось и следа.

– Никогда такую огромную стаю не видел, – прокомментировал он, обращаясь ко мне. – Позавчера тоже чуть не нарвался, но там всего штук сто было.

Третьяк только зло хмыкнул.

Глава 2

Знаки

Похоронный ритуал в Улье, когда хоронили малознакомых людей, сводился к простому действию – вытащили тело из машины, положили на обочине. Все. Особо циничными, на мой взгляд, выглядели действия Каспера, который предварительно снял с мужчины пиджак и вытер им кое-как лужи крови в машине. Затем без всякого пиетета, довольно небрежно набросил грязную тряпку на лицо покойника. Постояв рядом несколько секунд, вновь залез в «Тайфун», вылез с колуном, который и вложил в руку трупа.

– Чисто викинг! Может, и пригодится ему, кто знает, какие там твари, – проговорил вроде бы серьезно, но в глазах так и плясали веселые огоньки с толикой безумия. – Извини, мужик, не хотел. Честно... Но, видимо, судьба у тебя такая.

Попрощался вроде бы. Вот так. И никаких заламываний рук, плача или чувства безмерной вины. Умер Максим...

– Так и оставим? – кивнул на труп, обращаясь к Третьяку. Хотелось услышать внятный и исчерпывающий ответ на вопрос: зачем зараженных прикармливать?

– А что с ним сделаешь-то? Закапывать – без толку! Глубоко – времени нет, да и кому это надо? Всех не закопаешь. Неглубоко или землей присыпать, так учуют и разроют даже пустыши. Смысла нет, короче. Кластер здесь стандартный; если долежит до перезагрузки, то исчезнет, как и не было.

Я закурил. По-прежнему стояли на месте. Растянувшаяся орда продолжала двигаться куда-то на юго-восток. Наблюдать за ней всем уже изрядно надоело. Интересно только первые десять-пятнадцать минут. Высшие зараженные, хотя уместней их назвать суперэлитниками, были в авангарде и уже скрылись из вида за редким пролеском, который клином врезался в пшеничное поле. Низшие же продолжали брести. В хвосте этого сборища, словно погонщики стада, находились хоть и жемчужники, но по сравнению с первыми пока еще только вступившие на путь превращения из очень опасных тварей в мегасуперопасных. И эта чернота на золотом фоне пшеничного поля перемещалась довольно медленно, все же пустыши – это не спринтеры. Но в целом Гранит уже дал отбой тревоги, точнее, снизил уровень угрозы с красной до желтой. И лишь один Дохлер работал, оставаясь на башне БТР и продолжая прикрывать нашу разношерстную компанию от взглядов мертвецов.

Третьяк с сумрачным видом достал остатки жвачки из подсмунда, сплюнул и с явным сожалением, что больше нет, зажевал всего одну подушечку. По мертвому новичку сейчас горевала только девушка. Крестный держался в стороне, демонстративно не замечая своего недавнего противника – Каспера, тот отвечал тем же.

К трупу подошел Гранит, присел на корточки, приподнял пиджак, долго зачем-то всматривался в обескровленное и от этого очень бледное лицо, вновь прикрыл его. Но сделал это не так, как пусть и случайный, но убийца, а бережно, аккуратно. Мазнул по Третьяку злым взглядом. Или ненавидящим люто, безмерно. Это я отчетливо отметил. Короткий миг, доля секунды, и вновь маска на лице командира без толики эмоций. Надо же, вроде бы пистолет не крестного выстрелил.

Собрав вокруг себя всех участников действия в «Тайфуне», Гранит приказал доложить о деталях происшествия. Внимательно выслушал короткую сбивчивую речь водителя, затем спокойный, в нескольких фразах рассказ Третьяка, мой доклад. Затем объяснялся Каспер:

– Мля буду, не хотел я! Как-то получилось так... Не повезло, считай, просто свежаку... Командир только ругнулся сквозь зубы.

– Как дети! Еще случится подобное, лично каждого грохну. А ты, Третьяк, зачем там назначен? – задал риторический вопрос, но тот, кому он предназначался, уже направлялся к стоящей рядом с убитым девушке.

За ним разошлись водитель и Каспер, каждый занялся своим делом. Гранит вновь не смог совладать со своими эмоциями, лицо обезобразила злобная гримаса, смотрел он понятно куда. Странно, неужели винит во всем крестного? Или это у них такие личные отношения? Тогда зачем брать в отряд того, кого терпеть не можешь? И это взаимно? Возможный дружественный выстрел со спины бодрит?

С другой стороны, с умением Третьяка просчитывать на раз собеседников, улавливать их эмоциональный фон, отличать правду от лжи он мог бы и не допустить свары, а уж тем более не принимать в ней самого непосредственного участия. Хотя тоже всегда надо брать в расчет и тот факт, что человек – существо иррациональное. И здравый смысл имеется у большинства, но часто все заслоняют эмоции. Мог им поддаться крестный? Да легко, он ведь тоже порох, только спичку поднеси! Вывести из себя можно любого человека разумного. Был и другой довольно неприглядный момент в данной истории. А не специально он Каспера провоцировал? Но в чем смысл? В чем выгода для крестного от смерти пусть и случайного «свежака»? Дорогу он точно не успел Третьяку перейти. Негде было.

Крылась ли здесь подстава для матерого рейдера? Не похоже: никто не кидался с обвинениями на Каспера, не грозил кулаком, не плевал в спину. «Делать вам нечего! Чего с Третьяком сцепились?» – вот вся реакция широкой общественности, выраженная словами Москвича. Сам виновник трагедии особых терзаний не испытывал, душевными страданиями не мучился. Обычный его день в Улье.

Вновь разыгралась моя паранойя. Боюсь я, кроме того дерьма, в которое уже влип, оказаться еще и вовлеченным в чью-то гнилую игру, а без досконального знания местных раскладов – это раз плюнуть. Не люблю быть пешкой. С другой стороны, а кто любит? И еще – а кто кого и когда спрашивал?

И ведь посмотришь на крестного – ну, просто образец честного рейдера, живет по местным понятиям, точнее, по неписаным законам и уложениям Улья, прямой, как рельс, целеустремленный, словно гвоздь на двести. Вот только у меня это вызывало еще больше разных мыслей, не скажу, что хороших. Но это мысли, они могут быть далеки от реальности. Достал еще одну сигарету.

– Приглянулся, видимо, ты Третьяку, – сказал сквозь зубы неожиданно Гранит, после обоюдного минутного молчания.

– Да? – дежурно переспросил я.

– Сто процентов. Ты ведь его третий крестник за всю жизнь в Улье, а он здесь ой как давно, и вот что я тебе скажу, Люгер, – командир поиграл желваками, словно желая выплюнуть некую истину. Я приготовился слушать, но он неожиданно закончил: – Нормально действуешь, вот что! Так и продолжай. И за нами не заржавеет.

И ведь явно хотел сказать что-то совсем другое, но передумал в последний момент. А может, тоже специальные эти недомолвки, чтобы рознь посеять между мной и крестным? Отношения у них, как говорилось, сложные. Вот теперь думай и гадай. Ладно, черт с ним, на заметку возьму. Там видно будет, тем более один интересный нюанс он все же выложил. И пока начальство не придумало еще что-то, поспешил уйти к уже родному «Тайфуну».

Солнце хорошо припекало, воздух прогрелся, стал теплым, легкий ветер же был чуть прохладный, бодрящий. Свежий. Вдыхаешь полной грудью, несмотря на сигарету, и все запахи чувствуешь. Люблю такую погоду, а вот мороз ненавижу, как и снег, а от поздней осенней хмари, вечной слякоти и вечного же холода меня вгоняло в депрессию, густо замешанную на злобе, – везет же неграм!

Возле мертвого «неандертальца» так и продолжала стоять девушка, рядом с ней находился Третьяк. Она беззвучно всхлипывала, отчего худые плечи вздрагивали, кусала бледные, чуть припухшие губы. Крестный, будто решившись, сделал небольшой шаг, приобняв скорбящую, прижал к себе. Та уткнулась лицом в его широкую грудь. На мой циничный взгляд, эти слезы проливались по убитому лишь отчасти. Любовь? Вряд ли. За сутки, да в компании с рейдером. Хотя, может, они до встречи с Каспером успели победовать? Скорее всего, это был плач по своей прошлой жизни, по своей разрушенной в один миг судьбе, когда густой туман, противно воняющий химией и щиплющий будто муравьиной кислотой язык, неожиданно засвидетельствовал перенос в мир Стикса.

И меня тоже проняло поначалу, но не из-за смерти свежего жителя Улья, а скорее от какого-то осознания, что наше бытие бrenно, оно настолько зависит от ветреной удачи, что даже легкое дуновение может привести к гибели. Вроде бы произносишь при случае подобные фразы дежурно, смысл их понятен, ясен, но веры в сказанное нет. Даже не так – нет осознания истинности. Но явление понимания некоторых жизненных сакральных смыслов носило характер временный, в настоящий момент мне было глубоко безразличен и незнакомый мужик, и его глупое неумышленное убийство. Больше занимал вопрос, долго ли мы еще здесь торчать будем. Еще хозяйственные мысли мельтешили: главное, надо бы раздобыть поджопник, – несмотря на отличную погоду, земля еще не прогрелась.

В наушнике раздался голос Гранита:

– Через десять минут выдвигаемся!

Но, как обычно, Улей внес свои коррективы. На расстоянии около километра по направлению нашего движения было пересечение главной дороги с проселочной. Неожиданно возле него оказались два супермегаэлитных монстра. Как они там очутились – со мной никто не поделился, а начало действия я просмотрел. Мы вновь оказались на крыше «Тайфуна». Хвост орды уже исчез, потерялся где-то в полях и просторах. Только эти твари возле дорожного знака пригнувались, осматривались. Поведение их напоминало обеспокоенность животных. Ходили кругами.

– Че им там надо-то? – сплюнул в сторону Каспер. – Вымахали с елку, мозгов с гулькинос. Я вот что думаю...

Неожиданно на общем канале рации заговорил Дохлер, в голосе которого сквозили нервные и отчаянные нотки:

– Гранит, гасите их! Я не продержусь! Не смогу! Мощные твари!

– Дохлер! Держись, черт возьми, – сразу же ответил Гранит.

– Что «Дохлер»?! Гасите их, я сказал! Или все ляжем, с гарантией!

Рядом зло ухмыльнулся Третьяк, посмотрел на меня, затем перевел взгляд на Каспера, лицо которого вдруг сделалось бледным-пребледным. Крестный глянул в бинокль на замерших возле знака жемчужников:

– Молись, Каспер, Улей весточку тебе персональную передает. Свежаков обижать нельзя! Вот зачем еще нагнетать?

И тут же резко долбануло по ушам! Первый раз, через долю секунды второй.

Из транспортно-пусковых контейнеров рвануло пламя, а «Бумеранг» качнулся на огромных колесах. 152-миллиметровые ракеты с боевой частью в семь килограммов, способные превратить самый современный танк в кучу дымящегося металлолома, неслись по спиралям, оставляя за собой шлейф дыма, навстречу мутировавшей плоти. Достигли целей они фактически одновременно. Рвануло. Пламя, дым. Что там происходило – непонятно.

– Один погас! Долбите по второму! Тальк, по второму! Который на полтора! – заорал Дохлер, в гарнитуре рации же – тишина.

Похоже, особо секретные или необходимые переговоры происходили на других каналах. Для рядовых залетных бойцов вроде меня полная информация о действиях отряда была недоступна. Еще одна зарубка. И сколько их уже?

И тут же несколько раз грохнула тридцатимиллиметровая пушка бронетранспортера, подтверждая мою догадку. Две или три секунды тишины, может, пять, и радостное Дохлера:

– Готов, готов!

Вновь стало тихо-тихо. Все замерли, я обернулся. Видящий уселся на башню и рылся в под сумке. Достал небольшую фляжку, блеснувшую серебром, и, поморщившись, будто от выпитой водки, еще до первого глотка глубоко вздохнув, приложился к ней.

– Теперь дружно молимся. Если твари развернутся или припрется еще с десятков подобных – нам хана. Дохлер сдулся. На последних моментах на полную выложился, – прокомментировал ситуацию Третьяк.

– Сколько у него длится откат? – не отрываясь от бинокля, спросил Каспер.

– Часа три-четыре, если с допингом. Поэтому сейчас будем переть напролом, остальных использовать бесполезно. Слабо и недалеко светят, – отчего-то вдруг разоткровенничался крестный.

Рейдер, не ожидавший такого полного ответа, обернулся и недоуменно воззрился на Третьяка. Тот хмыкнул:

– Что пялишься? Я просто уверен, что ты сегодняшней день не переживешь, а Люгер, он – свой. Ему это знать можно и нужно.

Во как... Я уже свой. И это пугало.

И тут же последовала команда «по машинам». Рванули, без остановок преодолев расстояние до убитых элитников. Команды покидать автомобили не было, да и двигатели никто не глушил, поэтому я перебрался на пассажирское сиденье рядом с водителем. Обзор отсюда был лучше, не надо задира́ть голову и смотреть через весь салон. Возле груд мяса, раньше способного совершать чудеса на ниве убийства человека разумного, копошились Москвич и Каштан, выглядевшие по сравнению с тушами, нет, не лилипутами, но карликами точно. Занимались они потрошением споровых мешков тварей. Знак, привлёкший внимание жемчужников, был вполне обычным – «главная дорога», если бы не одно но, в ромб был вписан квадрат, намалеванный настолько густой и черной краской, что, казалось, будто он поглощал солнечные лучи.

– Это что за народное творчество? – ткнул я пальцем. Вроде бы получилось сказать даже чуть весело, а у самого на душе кошки заскребли, и противно так, как гвоздями по стеклу. – Еще один черный квадрат.

– Где? – водитель перевел взгляд на знак.

– Да вон же! – И как его можно не увидеть?

– Знак как знак. – Тот пожал плечами. – Главная дорога, с той стороны уступи. Чего не так? Ну, погнуло чуть-чуть.

– А на знаке ничего не видишь? – подозрительно спросил я.

– Говорю же, обычный знак, что ты там увидел? Ну, краска облупилась немного, дак немудрено, считай – 9M133 – это тебе не шуточки. Вообще, удивительно, что не снесло к чертям.

– Элита возле него нюхалась. Вот и думаю, чего она, – я поспешил сдать назад.

– Жемчужники творят что хотят, а у этих чуйка, похоже, сработала, нас засечь пытались, – сзади подобрался Каспер. – Один раз я наблюдал картину, в Семь-Семь кстати, ты же оттуда, так тварь, чисто вроде человека, где-то плакат раздобыла, уселась возле фонтана и вроде как читает, даже морду сделала умную. Очков только не хватало, а так вылитый профессор, мля, – рейдер хохотнул, потом помрачнел. – Почти сутки из-за этого грамотея на крыше провел.

– А знак? – уже у него спросил я.

– Что знак?

– Ты никаких черных пятен на нем не видишь? – решил я приоткрыть карты.

– Не-а, – отрицательно мотнул он головой. – Знак. Обычный. Вон с той стороны чуть краска обгорела. Ну да, чернота немного. Побило... А когда элитники возле него кружили – новый был, считай, даже краска не облупилась. Кластер недавно перезагрузился, по ходу. Тут дело не в знаке, Люгер, а в том, что они, похоже, почувствовали как-то Дохлера, вот и пытались вычислить.

По-пионерски честно ответил, подозревая, видимо, что я пытаюсь найти зацепку, почему жемчужники именно возле знака крутились.

– Что за черное пятно и где? – тут же влез водитель.

– Да вон Каспер говорит – обгорело от взрыва чуть-чуть, – соврал я, так как явственно здесь и сейчас видел черный квадрат на знаке, который был четко вписан в ромб «главной дороги», не заметить его мог только слепой. И тут возникало несколько версий: либо меня разыгрывали... Но оба рейдера сразу, и не договариваясь друг с другом? Что-то не похоже. Или же у меня начались галлюцинации.

Однако больше я ничего из удивительного не видел, абсолютно та же картинка, что и у остальных. И что вот делать? Жутковато мне стало.

– А-а-а, – многозначительно протянул тот. – Так сразу и не заметишь.

У меня же вновь возник вопрос о происходящем. Что за хрень я вижу? Вспомнились слова того же Бармалея: «Поймет знаки, будет жить долго» – как-то так он сформулировал... Или немного по-другому: «Знаки подскажут»?

Диктофон мне нужен, чертов диктофон, и запись всего и везде. Практически всегда в той жизни с собой его таскал, часто разговоры, прослушанные после, несли в себе информацию, которая ускользала от внимания во время беседы, что позволяло в итоге принимать более верное решение. Вообще, непонятно, по какому такому наитию я нацепил бандитский амулет на шею? После разговора с Третьяком. Но он ничего не упоминал про медальон – это я помнил точно. Тогда достал его, задумавшись, из подсумка, повертел в руках, отметил только изменение температуры, когда берешь в руки, но с последним, может, мое воображение разыгрывалось. В потеплении же какого-либо непонятного предмета, после жемчуга, я не видел ничего странного.

И как понять непонятную хрень на каком-то знаке? При этом ты ее видишь после того, как все свершилось? Кругом мозголомство, но такое жуткое – лед от копчика до затылка.

А вообще, сегодня, увидев многое, понаблюдав за Ордой, я понял, почему такие расценки за работу водителей и привлекаемых рейдеров вроде меня. Да, действительно не каждый согласится, даже за хороший хабар, так рисковать. Как там? «Не все так однозначно»? Если у матерых жителей Улья пот градом не только от усилий применения даров, но и просто от страха, как у того же Каспера, то тут даже не стоит говорить, что будет с новичками. Поэтому один вопрос почти снялся: наобещает команда Гранита горы, а потом, как отпадет надобность, пулю в затылок, и прикопают, точнее, на обочине бросят.

– Сейчас мы куда? – задал я, обернувшись, вопрос Третьяку, который что-то рассказывал девушке.

– Уже недалеко, километров сорок еще пилить, там грузим защищенную электронику по заказу наших армейцев, берем одежду для себя, кому надо, и напрямую к Северо-Восточному форпосту. Конечно, если все нормально пройдет. Но я так не думаю, – многозначительно посмотрел тот на делающего вид, что дремлет, Каспера. – Кстати, девушка выбрала себе имя, теперь зовут ее Ирией!

– Приятно познакомиться, Люгер, – ответил я, улыбнувшись.

Тронулись. Вновь погрузился в мысли. Они одолевали. И были какими-то безрадостными. Как говорится, куда взгляд ни кинь, всюду клин. Чертов черный квадрат заставил вновь

вспомнить пророчества психа. Но кроме этой невнятицы существовала и настоящая проблема, которая без всякой прочей мистики может стать решающей в обрыве моей линии жизни. Так, по словам Каспера, крестовики искали самых результативных ловцов жемчуга.

Цемент со своими походами к шляхам с чемоданом потрохов высших зараженных, похоже, засветился. Дальше... А вот что дальше? Дальше: как крестовики смогли точно вычислить место, где орудовал тот, играя в зомби-ферму? Тоже проболтался? Или прошлись широким бреднем по местам возможного использования их наработок?

Вопросы, вопросы, ответов же нет, и никто мне не расскажет ничего, не принесет ответы на блюдецке. Открыться Третьяку, выложить всю подноготную? Да, прямо сейчас!

Товарищ крестный, тут такая ерунда, я знаю, как... Ага-ага. На ровном месте ему не доверяешь. Вот зачем соврал про количество своих крестников? Как там? «Всех их не упомяну, поменьше, чем у Цементы», которого кстати, оживить бы, убить, снова оживить и снова грохнуть. Так вот, слабоумием вроде бы Третьяк не страдал, поэтому двух других подопечных он вполне должен помнить. Раз так, почему ложь?

С другой стороны, просто ушел технично от ответа. Можно это даже объяснить следующим, хотя с большими натяжками, но как у крестного мыслительный процесс происходил, я не знал. Например, чтобы меня чувство ложной гордости не обуяло, мол, мой крестный сам Третьяк, у которого всего нас таких трое. Опять же Гранит... Что-то ведь хотел сказать, падла, уже рот открыл, но передумал. Или специально создал такую атмосферу? Чтобы недоверие заронить? Черт его знает... А не пошло бы оно все!

Пригород появился внезапно. Сразу за резким поворотом, скрытый густым березовым лесом, который последние километров десять становился все гуще и все ближе подступал к дороге. Сначала мы долго тряслись по стабу. Асфальтовое покрытие то тут, то там зияло провалами, наполненными мутной водой. Они возникли после проезда первых единиц техники. Теперь же катились мягко и с ветерком, без остановок, и так двигаться было одно удовольствие. Красномордый ловелас позади не на шутку разговорился с девчушкой, Каспер дремал или делал вид, что дремлет, а водитель держал руль одной рукой, лениво грыз семечки и кидал шелуху себе под ноги.

Как и в любом российском пригороде, сначала по обеим сторонам от дороги тянулись дачные участки с домиками, которые креативный советский человек лепил из всего, до чего мог дотянуться на рабочем месте, и которые воплощали его собственное видение прекрасного. Скромные домики соседствовали с двух- и трехэтажными дворцами сплошь из красного кирпича, так любимого всеми в девяностые и в начале двухтысячных. Ближе к въезду новостроек становилось все больше. Здесь уже перед особняками был проложен асфальт.

Возле бетонной будки с надписью «Пост ДПС» наша колонна остановилась.

– Неисповедимы пути Улья, – недоверчиво хмыкнул Каспер, который сразу же оказался возле меня, заглядывая в бронированное окно. Настроение у него уже давно вернулось в привычную колею – он снова стал злым, веселым и задиристым. – Впервые вижу сразу столько народу. Тут, часом, не Тянушка? – обернулся он к привставшему с места Третьяку, вытягивавшему короткую шею, насколько она позволяла, и также смотревшему вперед, на дорогу. Я ожидал, что крестный проигнорирует вопрос недавнего врага, но тот ответил с некой растерянностью в голосе:

– Нормальный это кластер вроде бы. Всегда был.

Как я понял, удивление вызвало количество живых людей, шестнадцать человек: девять мужчин и семь женщин, одетые кто во что горазд, бросились наперерез колонне.

Хотя «бросились» – это преувеличение. Слабо заковыляли. Выглядели они хуже чем французы, покидавшие Россию в 1812 году. В грязи, еле переставляющие ноги, поддерживающие друг друга. Хотя пара из них держалась довольно бодро, не в пример остальным. Один высокий и худой парень в очках с нарочито огромной оправой, даже стоя на одном месте рядом

с Гранитом, о чем-то его спрашивающим, умудрялся как-то пританцовывать, поворачиваться, размахивать руками.

Хорошо, что не последовала команда на выход. Сначала все вылезут, потом залезут. Достало уже, так как на все требовалось время. И вообще, меня уже начинали порядком раздражать эти мертвые сожранные поселения. Складывалось ощущение, что никогда мы не доберемся до Острога, который уже представлялся мне эдакой средневековой крепостью на утесе, со рвом, подвесным мостом и прочими готическими атрибутами.

Впрочем, видимо, командир был со мной солидарен, поэтому никто особо задерживаться не стал. Мы напоили свежих обитателей Улья живцом, после чего прямо на глазах они стали приходить в чувство.

– Малинник, – осклабился Каспер, облизав губы, и хлопнул меня по плечу, когда в «Тайфун» погрузили пять девушек и одного парня. Я перебрался в салон, ближе к своему имуществу.

Две дамы, видимо, предпочли добираться со своими спутниками в чреве бронетранспортера. На нашу беду, к нам в машину попал именно вертлявый живчик – парень был или по жизни такой, с головой дружил мало, или это у него общий шок, но болтал без меры, а в оценках придерживался категоричных принципов. Сразу принялся поучать Третьяка: мол, кто так кобуру на бедре носит? Неудобно же. Столкнулся взглядом со мной, но решил промолчать. Все же я выгляжу как страшный сон из подворотни – для такой публики.

– Ты хипстер? – спросил крестный, подозрительно посматривая на довольно интересные штаны парня. Не знаю, модные они или нет, я всегда предпочитал классику, но частенько видел такие. Нет, не в Африке, там народ все же проще, ближе к земле. Так вот, у человека, даже начала XXI века, могло сложиться неправильное впечатление и неприятное ощущение, что надевший такую конструкцию не успел ее пару раз снять во время справления большой нужды.

– Да! Какие-то проблемы? – вполне бодро поинтересовался тот. Похоже, опасение вызывал у него только я, в мою сторону интроверт даже не смотрел, взглядом старался не встречаться. Хотя на Каспера или Третьяка пялился с удовольствием, пытался и за оружие ухватиться, которое рейдеры отводили от шаловливых ручек. Казалось, он ребенок лет пяти, которого избаловали донельзя.

– Не любит он хипстеров, – ткнул в меня пальцем крестный, переведя стрелки. – Вон, – его палец указал на плохо затертые Каспером пятна крови, – тоже здесь хипстер был, болтал, болтал. Вот он молчал, молчал, а потом... Раз, – Третьяк резко навел фигуру из пальцев в форме пистолета на парня. Надо сказать, что отпрянул не только хипстер, шарахнулись в стороны и несколько прибывших девушек. – В общем, тут недалеко мы вытащили и выбросили тело. А что делать-то? Две дыры. Одна вот здесь, – ткнул он пальцем в живот парня, – а одна вот тут, – указал на грудь.

– Вы ведь шутите? Да? – недоверчиво спросил парень и опасливо посмотрел на меня.

– Ты у нее спроси. – Палец Третьяка остановился на девушке. – Но я бы на твоём месте сидел и молчал или спрашивал только по делу.

– Так почему вы у него оружие не отберете? – недоуменно воззрился на крестного хипстера, но в глазах промелькнула эдакая хитрая искорка понимания, задоринка, что ли: мол, знаю, знаю я ваши шуточки!

– Потому что мы сами такие же! – осклабился наигранно зло Каспер и, задрав голову к потолку, заржал, да весело так, задорно. Хорошо, когда хоть у кого-то все хорошо.

– Каспер, заканчивай, – вмешался Третьяк. Прекрасное настроение рейдера, похоже, было ему, как серпом... затем посмотрел внимательно на хипстера. – А ты сядь на место! Заканчивай мельтешить! Взрослый уже вроде мужик. В общем, возьми себя в руки!

Эта реплика окончательно «успокоила» парня, обидев не на шутку. Дамы, прибывшие с ним, поспешили выступить в его защиту: «Да он нас спас!», «Он Леночке помог», «Так

нельзя!» и прочее в таком духе. Прекратить галдеж удалось не сразу. Я же в дела рейдеров не вмешивался и не лез в разговоры, сам человек новый. И не люблю заниматься просвещением. Девушка, до этого усевшаяся на сиденье рядом и сказавшая, что она Алиса, услышав в ответ: «Люгер», сразу же отодвинулась, а теперь, после всех реплик о моей кровожадности, пусть и оказавшихся шуткой, и вовсе прижалась к подруге. С другой стороны, шутка-то шутка, вот только плохо затертые потеки крови на полу, оружие в руках, моя хмурая морда, которая не могла принадлежать законопослушному гражданину, это даже Дохлер отметил, опять же тактические очки, скрывающие глаза, – все это говорило о доле истинности в словах рейдеров. И если пока еще я никого не прибил, то в ближайшем будущем за этим дело не встанет.

Наша колонна медленно, с пешеходной скоростью, ползла по улицам. Чем обусловлен данный факт, я не знал. Но с вопросами не лез. Или догадаюсь сам, или же спрошу потом у Третьяка, когда один на один останемся. По моему скромному мнению, надо было резко подъезжать к необходимому зданию, оперативно грузиться и валить, валить к чертям отсюда в обжитые места.

Третьяк с большим трудом добился своей цели – всеобщей тишины, если данный термин применим к пятерым представительницам прекрасного пола, добавившимся к нашей Ирии, и одному не совсем адекватному, по местным реалиям, индивиду. И крестный начал вещать об общих чертах жизни в Улье. Говорил – любо-дорого слушать. Кратко, четко, сопровождал свои описания примерами. Отвечал частично на вопросы, которые сыпались как из рога изобилия и были самые разные, от вполне типичных: «Как вернуться домой?» и «А если укусят, мы тоже зомби станем?» до категоричных заявлений: «Врете вы все! Верните нас домой быстро! Мой папа вас всех в асфальт закатает». Самой горластой оказалась довольно милая, пусть и рослая, белокурая деваха, и была она не дочерью криминального авторитета, а вполне себе любимым чадом законопослушного депутата местной губернии, который сдавал декларации и жил по средствам.

Но по мере рассказа Третьяка и с нее сползал один броневого листа за другим, маргарин плавился, пачка за пачкой, и вот, наконец, уже обычная девушка, напуганная и растерянная, горько заплакала, спрятав лицо в ладони.

Парень тоже успокоился. Выяснилось, что фактически перед нами тот, кто всех собрал в кучу, обеспечивал едой и водой, какими-то медикаментами, а также лично убивший нескольких, пусть и низших зараженных. Мне это говорило о многом, я вспомнил свою первую славную битву, когда прыгун едва меня не сожрал. И это здорового, вооруженного мужчину. Вот так! А парень без всяких пистолетов, автоматов и клевцов, где палкой с гвоздем, где и вовсе строительным отвесом на цепочке, который продемонстрировал с гордостью, но забил шесть штук, и ведь по внешнему виду и поведению не скажешь. Штаны опять же...

– Я «Ходячих» все сезоны смотрел, а «Нация Z» – любимый сериал! В игры играл, тот же «DayZ»! Смотрю – мертвяк! За ним второй! Сразу все понял, как щелкнуло! Больше всего боялся, что укусит и сам таким же стану... Аленка! – неожиданно, будто вспомнив, почти крикнул он и тут же обратился к Третьяку, резко подавшись вперед: – Мужики, вы должны помочь! Вчера утром мы с Сергеем, Тамарой и Оксаной оставили здесь, совсем недалеко, девушку. Ее покусал мертвец...

– Зараженный, – односложно ответил крестный.

– Да какая разница?! Мы, да и она, думали, что теперь Алена станет такой же. Убить ее рука ни у кого не поднималась, хоть и просила! За гранью зла и добра это! А так все признаки заражения налицо были! Как в кино – слабость, бледность... Это я сейчас понял, что ей необходим был... Как он называется?.. Чем вы нас поили... Живец! Да, точно, живец! А тогда подумали – все! И девушка хорошая. Ребят, я очень прошу, давайте сделаем доброе дело, она наверняка еще живая! Раз мы живы...

– Зачем нам она? – Третьяк безразлично посмотрел на хипстера.

Тот злобно воззрился в ответ, открыл беззвучно рот, закрыл. Замолчал, через секунд пять начал говорить – четко, с едва скрываемым гневом, с плещущимся в глазах презрением и почти не размахивая руками:

– Во-первых, с женщинами у вас должно быть хуже, чем с мужчинами... Так? Выживать их должно меньше! А здесь имеется очень красивая девушка! Очень! Как бы ее описать-то лучше... Видели, наверно, Ким Кардашьян? Вот такая, почти один в один! – парень зашел с козырей, бесспорных для мужчин, по крайней мере, если та Ким и эта совпадала с моей реальностью, а вот для девушек такое «предательство» спутника стало вероломством еще тем. Две из них сейчас поморщились брезгливо, уже почти с ненавистью взирая на того, кого несколько минут назад спасали от несправедливого гнева рейдеров, даже блондинка прекратила навзрыд рыдать по сломанной в одночасье судьбе. Подняла лицо, от слез ставшее довольно некрасивым, опухшим, открыла рот, но ее опередил Каспер.

– Это с большой жопой которая? – У наших спутниц промелькнули на лицах победные улыбки, мол, я всегда знала, что...

– Да, она самая, брюнетка, глаза большие, губы пухлые, волосы шикарные, – продолжал рекламировать оставленную девушку хипстер.

– Ты лучше скажи, какие у нее буфера?! Что мне ее глаза и волосы! Пусть хоть лысая будет! Рот есть, жопа есть, а с сиськами как? – Рейдер мечтательно прикрыл глаза.

– Нормальные у нее буфера, вот такие, – резко ответил парень, изобразив уж совсем непомерные размеры – зачерпнул, насколько рук хватало и насколько позволяло пространство. – Дело не в этом, она человек отличный...

– Ну да-да, и как в живого человека этим самым тыкают? – развеселился уж совсем Каспер.

– Закройся, – Третьяк хмуро посмотрел на спутника, затем перевел взгляд на парня. – Ты тоже по делу говори. А то сиськи-пиписьки, человек... Зачем нам суетиться? Что в ней эдакого?

– Она очень умная, фармацевт, может помочь с лекарствами, медицинское образование, несколько статей в научных журналах. А еще она очень смелая! Для вас тоже может быть материальная польза, там рядом ювелирный – наберете золота! И охотничий... точнее, рыболовный магазин, но арбалеты есть, ножи, пневматика всякая, даже ППШ тем, кто закос под раритеты любит, одежда по обстоятельствам, прицелы и многое другое. Я там бывал месяца два назад! Поэтому видел своими глазами все. И я бы его сам вскрыл, но там какой-то мутант крутился. Здоровенный, не меньше двух метров высотой, рогатый, мощный... Для вас с оружием он не опасен! Вам разве не нужно оружие и золото? Понимаю, что пневматика – это баловство, но стрелять учиться подойдет. Плюс арбалеты, они должны быть востребованы?! Пока вы грузитесь, я тем временем за ней сбегая...

– Далеко?

– Совсем нет! Тут чуть дальше метров через пятьсот. Если так же прямо ехать будем, перекресток будет, направо еще метров сто-двести. Можете просто остановиться, подождать, я сам за ней сбегая! Ну и какое-нибудь оружие мне дайте, хоть пистолет!

– Адрес? – Третьяк находился явно в раздумьях.

– Улица Пятьдесят лет СССР, дом тридцать два, там такая свечка-девятиэтажка рядом. Вот в ней, снизу «Пятерочка», оставили в подсобке. Еды, воды, лекарств ей всяких я принес...

Третьяк потянулся к тангете рации. Односложно, в трех фразах, пересказал командиру суть разговора. Поморщился – видимо, выслушал жесткую, но справедливую критику. На общем же канале – тишина.

– Гранит, да мне дела нет! Поступили данные, я доложил! Командир – ты! Вот и решай. – И через минуту: – Хорошо, хорошо. Ясно...

– Люгер, Каспер и ты, – ткнул он пальцем в парня. – Готовьтесь, минут через десять-пятнадцать до нужного перекрестка доберемся. Сворачивать никто не будет, но двадцать минут у нас есть. Пойдем спасем рядовую Ким, если она еще жива, конечно.

– Может, и жива, сам видишь – считай, всех тварей – кого в орду завербовали, а кто и в соседний кластер за новой хавкой подался, – выдал Каспер.

– Кстати, я – Алексей, можно Леха, – протянул руку хипстер.

– Пока ты никто, – смерил хмурым взглядом Третьяк ладонь, отчего парень так и замер. На миг на лице промелькнула гримаса обиды, но он справился с собой. Крестный же продолжил: – Ты не куксись, спасем девчонку, и, может, кто-нибудь станет твоим крестным. Проще дуру объясню. И да, это важно. А ты, Каспер, – ткнул он пальцем в порывавшегося что-то сказать рейдера, – сиди тихо. Не порти свежаку реноме, да и примета плохая, если давший имя сдохнет в тот же день.

– Опять ты со своим...

– Снова, – резко ответил Третьяк. – Готовимся.

Парень неожиданно для меня достал смартфон, довольно дорогую модель с большим экраном.

– Девочки! Говорим свои размеры! И не галдим! Лена – ты первая! Ничего не обещаю, но если попутно получится, то захвачу что-нибудь теплое, – хипстер быстро что-то набирал на своем мобильном устройстве, его пальцы, казалось, летали. Самое удивительное заключалось в другом – парню удавалось вычленять среди разногласного гвалта необходимую информацию. Управился за несколько минут, потом обернулся к крестному: – Мужики, мне бы тоже какое-нибудь оружие выдали, а?

– Умеешь? – спросил тот.

– А то! Я в тир ходил, почти каждые выходные.

Тот, покопавшись в сумке под ногами, протянул ему «ПММ» в кобуре, расщедрился и на пару магазинов. Все!

– Из автомата я тоже могу, – не стал стесняться парень, осматривая пистолет. Вышелкнул магазин, вернул его на место, передернул затвор, поставил на предохранитель, убрал в кобуру, которую прицепил на ремень. Прodelал он все сноровисто, быстро – видно, что действительно доводилось оружие не только на картинках видеть.

– А говномета тебе не надо?! – хохотнул неугомонный Каспер.

– У меня уже есть! Метнуть какаху?! – с вызовом посмотрел пацан. Надо же, а дух у него имелся. Нечасто так получается и строго по поговорке – первое впечатление обманчиво.

– Нет, автомат я тебе не дам! – вполне серьезно ответил крестный, ставя точку в разгорающемся конфликте. – Пойдешь, во-первых, под прикрытием, во-вторых, я не знаю, умеешь ли ты с ним обращаться. Сказать можно все что угодно, и даже уметь разбирать-собирать. А любому из нас не очень хочется, чтобы с дружественной стороны прилетело. Еще раз повторяю: покажешь себя, разговор другой будет. Поэтому собрался, подобрался, без лишней суеты, соплей, выполняешь приказы на раз. Понял?

– Понял, – ответил тот.

Нищему собраться – только подпоясаться. Тубус «РПГ-26» за плечи, автомат и так на боевом взводе, магазины к нему все полные. Я их набил сразу же после стычки с бандитами, пистолет на месте, как и гранаты в подсумках, нож, клевец, к которому уже начал привыкать и который уже почти не мешал и не путался в ногах. Интересная штука время... так подумаешь, прошло после боя с мурами всего ничего, какие-то несколько часов, а сейчас казалось, что уже сутки, а то и двое миновали. Вот она, насыщенная жизнь. За это время уже успели меня окрестить, едва не прибив при этом; успели бандита казнить, новичка потерять и двух суперэлитников уничтожить, понаблюдать за ордой, встретить выживших. Да еще мне довелось увидеть непонятно кем и непонятно для чего намалеванную дрянь на знаке.

Едва только колонна остановилась, как Третьяк приказал – «на выход». Пятьдесят лет СССР – типичная примыкающая к проспекту улица для российского города-миллионника. Зеленые насаждения, стеклянные витрины магазинов, редкие вдоль тротуара скамьи, ограждения проезжей части из железных труб. На дороге брошенные автомобили, троллейбус возле остановки, один рог отсоединился от проводов.

И тишина, давящая на уши, разъедающая спокойствие, когда нет ни единого звука. Подспудно ждешь чего-то плохого.

Тут и там выбитые стекла, иногда валялись какие-то брошенные сумки и пакеты, обрывки окровавленной одежды, хорошо так объединенные человеческие костяки. Не знаю, может, у зараженных есть какое-то свое чувство прекрасного, но поразил обглоданный человеческий череп в широкополой шляпе, лихо заломленной набекрень, скалящий зубы и вззирающий на нас с витрины дорогого бутика женской одежды. Лежал он в одном ряду с составленными будто по линейке головами манекенов.

Передвигались мы от укрытия к укрытию. Прятались за машинами, киосками. Все сводилось к простому – добежать до нужного места, осмотреться, наметить маршрут. И вновь перебежка.

Очередная остановка получилась за перевернутым автобусом, который протаранил ограждение, выскочив на тротуар, а здесь завалился на бок, врезавшись в пятиэтажное здание, первые этажи которого, к удивлению, не были отданы на откуп под торговые точки. Кругом все засыпано битым стеклом, тут и там пятна от крови, кое-где человеческие останки. Вообще же этот запах разлагающейся плоти, казалось, пропитал все вокруг – он постоянно откуда-то доносился, когда рядом и намек на пиршества зараженных не имелось.

Третьяк, выглядывая из-за жестяного угла кузова, внимательно рассматривал улицу – до нужного нам дома оставалась пара бросков. Уже была видна и сама «Пятерочка». Вокруг никого. Тут я услышал какое-то скуление из разбитого зарешеченного окна первого этажа. Похлопал по плечу крестного, тот обернулся, я кивком указал, куда надо смотреть, потом руку приложил ладонью к уху. Вроде бы понял меня правильно, тоже замер.

– Проверим! – вынес он свой вердикт. – Странно это... Странно... Людей живых я могу почувствовать, на зараженного – не похоже. Да и не умеют они издавать такие звуки. Что за ерунда? Впрочем, дар у меня слабенький, еще и в этих городах сам черт ногу сломит, – прокомментировал, явно озадачившись, крестный. – Каспер, прикрывай, мы с Люгером проверим. Ты, свежак, сиди тихо и не дергайся.

Парень кивнул, лицо сосредоточенное, пистолет в руках. Хипстер сейчас никак не походил на представителя из массы этих расхлябанных товарищей, зачастую лишенных элементарного инстинкта самосохранения.

– Но она там! Девушка! Вдруг опоздаем? – произнес обеспокоенно Алексей и мотнул в нужном направлении головой.

– Успокойся. Если до сих пор не умерла и не сожрали, за пять-десять минут с ней точно ничего не произойдет. А здесь проверить надо, аномалия, мать ее размать, – похоже, Третьяк сам заинтересовался, почему его дар давал сбой.

Уверен процентов на семьдесят – если бы он знал точно, кто там, даже не почесался бы лишний раз.

– Люгер, на минуту дай ресовский нож, – протянул он руку, ни на секунду не сомневаясь, что я выполню просьбу.

Аккуратно, чтобы ненароком не задеть себя, передал нож. В памяти еще отчетлив был образ бетонного постамент, от которого пусть и когти, но такие же, как этот девайс, отделили изрядный кусок вместе с арматурой, при этом без всяких усилий со стороны Третьяка.

Четыре ловких взмаха, решетку придержал я, затем еще пара движений – и остатки стекла вместе с частями алюминиевой рамы, пластиком, куском подоконника выпали наружу. Звякнули о бетонную отмостку. Третьяк, внимательно посмотрев на нож, сказал:

– Шесть зарядов всего осталось. Так что напрасно не используй. Давай за мной!

Попали мы в самую обычную комнату полуторки. Небольшой беспорядок, но скорее оставленный хозяевами, когда они покидали по своим делам дом. Следов борьбы не видно, крови тоже. Уже радовало. Скуление усилилось, оно явно шло с кухни. С оружием на изготовку я первым заглянул туда.

На полу возле огромной красной и пустой миски лежала большая собака. Она чуть приподняла голову, вновь раздалось скуление. Довольно взрослый, но, судя по морде, все же еще щенок среднеазиатской овчарки. Алабай, как мы их называли, хотя некоторые матерые собачники с пеной у рта доказывали, что это слово означает лишь определенную окраску у данной породы, а не ее саму. Вполне может быть и так, но с привычками спорить сложно.

Пес, отчего-то я сразу определил гендерную принадлежность, несмотря на худобу, смотрелся серьезно – здоровый, мощный и широкий в кости, с огромной пастью, откуда сейчас вывалился длинный язык. Эдакий маленький медведь, и не плюшевый. Шерсть короткая и густая со светло рыжими подпалинами на боках и спине, купированные уши и хвост. Широкая белая лобастая морда, глаза умные. Алабай вновь заскулил и как-то совсем обреченно вздохнул.

– Тьфу ты, псина! – выругался выглянувший из-за моей спины Третьяк. – А я думаю, что такое? Неужели дар отключился полностью? Вас вижу, здесь – пустота. Короче, уходим, Люгер.

– А его так бросим? – ткнул пальцем в собаку.

– Ну, пристрели, коль жалко, а патроны у тебя бесконечные, или вон ножом по шее. Все лучше, чем живец переводить, – односложно ответил тот, осматривая внимательно кухню.

– Ему тоже живец нужен?

– А ты думал! Всем он нужен, по крайней мере, иммунным. Тьфу ты, – Третьяк посмотрел на меня, как на дурака, когда я снял с пояса флягу. – Неужели ты хочешь...

Как-то было плевать, что он думал. А крестный, видимо почувствовав при помощи своего умения, что воздействовать на меня бесполезно, только скривился, будто проглотил минимум лимон. Морда вновь покраснела, как всегда, когда ему что-то не нравилось. Индеец хренов!

Я же, присев на корточки рядом с собакой, приподнял ее голову и влил в полуоткрытую пасть грамм под сто живца.

– Осмотрю тут все, а ты скорее, времени мало, а нам еще девчонку надо проверить, – вышел в комнату он, откуда сразу же послышались звуки открываемого шкафа. Что хотел найти, непонятно. Я же за три захода спойл псу почти полфляги.

– Хороший мальчик, хороший, – тихо говорил, почесывая алабая между ушами. Тот продолжал скулить, но менее обреченно. Да и вообще, судя по всем признакам, приходил в себя. Нос, бывший сухим, теперь увлажнился. Несколько раз, пока безуспешно, пес пытался встать на ноги, но получалось лучше и лучше.

– Как бы пристрелить псину не пришлось! Сейчас оклемается окончательно, на нас кинется, так что давай скорее, Люгер! Сделал доброе дело, и пошли.

– Я его себе заберу.

– Это он тебя сожрет, а не ты его заберешь! Один – собачку, второй – девочку, третьему – куклу... Не рейд, а новогодний утренник какой-то, мля, в школе для дебилов, – проворчал Третьяк, но, видя, что мне безразличны его причитания и я твердо намерен сделать озвученное, притащил откуда-то из прихожей здоровенный мешок собачьего корма. – На, покорми его и напои потом, а то еще тащить придется... Надо было тебя Гринписом окрестить...

Пес уже неуверенно поднялся на лапы и теперь принюхивался ко мне. Затем лизнул протянутую руку, уткнулся головой в ладонь. Надо же, какой умный! Сразу понял, кто его спасал

тут. Я почесал алабая за ухом, тот неодобрительно посмотрел на крестного, зло так, клыки оскалил, шерсть на загривке чуть вздыбил.

– Свои, свои, мальчик, – потрепал за холку, ожидая, что сейчас еще и на меня зарычит, тогда придется оставлять, это все-таки не болонка или такса, а почти семьдесят кэгэ мышц, нацеленных на убийство, точнее, на охрану и защиту. Только для другой стороны при такой пасти она вряд ли закончилась бы чем-то иным. Собака послушала меня, махнула огрызком хвоста виновато так.

– Ты смотри, еще и скалится, – неодобрительно покачал головой Третьяк и пригрозил псу пальцем. – Будешь на меня так смотреть – пристрелю. Хорошо запомни!

Алабай только зыркнул зло, но голос не подал, чем меня обрадовал до глубины души. Не нравился мне беспричинный лай.

Аппетиту собаки можно было только позавидовать – ел, а точнее, жрал он мощно, заглатывал, не жуя, словно понимая – не время для вдумчивого обеда. Затем жадно вылакал всю воду из моей фляги. Остатки корма, чуть рассыпав из целлофанового пакета, килограмма под три-четыре, я засунул в трофейную мародерку, захваченную специально для таких случаев. И нацепил с помощью Третьяка за плечи, в районе пояса находилась сейчас еще цементовская.

– Будешь Хеклером! – прежде чем уходить, потрепал по холке животное, которое опять выказало радость. Имя само пришло на ум, только глянул на собаку – точно Хеклер. – Давай двигай за нами и тихо, – скомандовал я.

Пес только посмотрел умными глазами, на секунду даже показалось, что все он понял. Вот так. Имея свой дом и мечтая всю жизнь о собаке, так и не завел ее – с моей работой возиться с животным времени не оставалось. И завел, получается, тогда, когда нет ни дома, ничего. Причудливы жизненные изгибы.

Когда вышли на улицу, парень недовольно посмотрел на пса, затем многозначительно и красноречиво взглянул на крестного, тот только пожал широкими плечами и ткнул пальцем в меня. В чем проблема-то? Не устраивает, что прихватил животное, вроде как зря время теряем? А меня кто-нибудь спрашивал, нравится мне или нет спасать незнакомую девку, прикрывая ублюдка в штанах-обосранцах, которую он же, от великого ума, бросил умирать? Никто. Однако я здесь, рискую своей башкой, поэтому хоть слово против услышу – выбитые зубы хипстер будет собирать сломанными руками.

С огромным трудом справился с желанием пробить мощное пенальти свежаку в голову. Два широких шага, и тот же лоу-кик с правой. Тот как сидел на корточках, так и ляжет здесь же, а я добавлю по почкам и печени. Ощерился еще недовольно, собака его, видишь ли, не устраивала.

На секунду даже представилась картинка: парень от удара летит кубарем на асфальт, туда же пистолет, который он держал двумя руками, ствол направлен вверх, ни дать ни взять спецназовец на задании. И хват рукояти вроде бы грамотный, будто на соревнованиях IPSC. Стоп, а ведь это очень характерная у него царапина-мозоль на большом пальце от предохранителя. И величина рук как раз под «макаров». Надо же, и куда я все время смотрел, что ж я внимания на этот фактик не обратил?!

С проснувшейся наблюдательностью стала уходить и злоба. Вообще, частью разума я понимал, что со мной далеко не все в порядке, никогда эмоции у меня не выходили из-под контроля, так остро, как сейчас, не ощущались. Вывести из равновесия Валь... тьфу ты, Люгера, – задача сложная. Да, вроде бы заводился в секунды – так это выглядело и должно было выглядеть в глазах сторонних наблюдателей. Действовал же по расчету, то есть когда того требовали обстоятельства, тогда и давал волю ярости. Чаще всего я лишь изображал вспышку немотивированной агрессии и на пальцах мог пересчитать случаи, когда именно злость затеняла все остальное и заставляла действовать. Здесь же... За сколько дней? Если осознанных, то за три, то есть за три дня необдуманных и непросчитанных действий вагон и маленькая тележка.

И эти странные качели, когда чувства идут вразнос: от вселенской любви к ближним и безмерной тоски не пойми с чего до с трудом сдерживаемых приступов безумия. То готов от умиления чуть ли не рыдать, то хочется убивать всех, все и вся! И желательно кровушки чтобы побольше, кровушки, да в разные стороны, с брызгами и криками боли!

Сплюнул в сторону, захотелось закурить.

Всего пять секунд, а целый ворох и пласт мыслей пролетел. Надо будет очень осторожно и аккуратно поинтересоваться у Третьяка, нормальны ли такие перепады настроения у свежих обитателей Улья. Почему не спросить прямо? Не хотелось, чтобы меня сочли пусть и дружественно настроенным, но психом. Дебила, даже хорошего человека, я бы сам попытался оставить вооруженным максимум ложкой, а давать ему в руки автомат, пистолет, гранаты и уберплюху, способную танки останавливать, – от лукавого. Смирительную рубашку такому или вон пластиковые хомуты, которые выполняли роль наручников, с последующей погрузкой в «Тайфун» – и до местной богадельни, если таковая имеется. В противном случае, если пуля в башку новичку – «примета плохая», желательно посадить его где-нибудь подальше, опять же оставить только клевец, и пожелать попутного ветра, а также удачи на ниве выживания.

Тем временем Третьяк, чуть прищурившись, оценивал: в один или в два рывка добираться до открытых сейчас стеклянных дверей магазина. Может, я и ошибался относительно причин заминки. Крестный же бросил несколько обеспокоенных взглядов в сторону строящегося здания, в сотне метров впереди. Я тоже присмотрелся в том направлении. Вроде бы ничего... Стоп, а это что? Снайпер на седьмом этаже?! Потянулся за биноклем, картинка резко приблизилась. Нет, показалось... и не винтовка, а труба обыкновенная, за каким-то чертом брошенная здесь вместе с кучей непонятного строительного хлама, где местами поблескивали разбитые стекла. А смотрел невооруженным взглядом – и казалось, что кто-то залег с винтовкой.

Каспер сунулся было погладить пса, но тот отнесся крайне неодобрительно к проявлению нежных чувств от незнакомых граждан Улья. Приподняв черные губы, показал зубы – острые. А для предельной ясности добавил по-собачьи, глухо и угрожающе так: «Р-р-гр-р».

– Дерзкий, – прокомментировал весело рейдер, отдергивая руку, ничуть не печалась такой показной нелюбовью.

– Не морозимся, вперед! – прозвучала команда.

До раскрытых дверей магазина добрались без всяких приключений. Третьяк даже успел доложить Граниту о наших действиях.

Торговые залы были пусты, кругом творческий беспорядок, в том смысле, что складывалось ощущение неспланированного грабежа, хотя... тут речь, скорее, не могла идти даже о краже. Например, вот здесь кто-то нагреб кучу сыров, творогов, йогуртов, затем ему больше понравился шоколад, поэтому молочная продукция всей кучей отправилась на пол, и от нее теперь несло кислятиной. Но консервы оказались привлекательнее, вот и шоколад оказался выброшен.

Чтобы попасть в подсобное помещение с российской Ким Кардашьян, необходимо было миновать винный и колбасный отделы. Последний сейчас создавал ощутимое амбре, к которому примешивалась вонь гниющих поблизости фруктов. Запашок еще тот, как от мусоропровода.

Когда до угла высокого стеллажа оставалось метра два, Хеклер, до этого послушно находившийся позади нашей компании, забежал вперед, замер, оскалив клыки и чуть вздыбив шерсть на загривке, словно указывая носом направление опасности.

Причина такого поведения стала понятна почти сразу. Возле запертых дверей в подсобное помещение, рядом с перевернутой покупательской тележкой на колесах, перетаптывалась троица зараженных: двое мужчин и очень толстая дама в длинной цветастой юбке. Одному из мертвецов – длинному и тощему мужику в джинсовом костюме – видимо, повезло с пищей

больше, он уже заметно стал меняться. Черты лица, и без того резкие из-за худобы, теперь и вовсе стали острыми, хищными. Видимая мне с такого ракурса часть его тела была покрыта засохшей красно-коричневой коркой, которая при резких движениях осыпалась ржавой трухой.

Твари нас пока не слышали, передвигались мы тихо, а команды Третьяк отдавал в основном жестами. Они же шумно перетапывались, деловито урчали, топали. Наваливаясь, давили на запертую изнутри дверь, а иногда, видимо, поймав проблеск сознания, долбили руками. С запахом тоже было все просто. Уже за два-три метра от зараженных несло экскрементами, застарелым потом, мочой и чем-то тухлым. Амбре стояло такое – удивительно, что глаза слезиться не начали. Физиология, мать ее так, и полные штаны, не в плане поговорки и не у меня, а в реальности у двух мертвяков джинсы были полнее некуда и сейчас характерно обвисли в районе задницы, совсем как у хипстера, который нервно вертел головой. Женщина, как обычно, находилась в более выигрышном положении.

Крестный на секунду замер рядом со мной и даже не поморщился, когда вдохнул ядреную вонь. Он даже довольно улыбнулся. И чего, спрашивается, у него настроение вверх скакнуло? Девчонку своим даром нащупал? Живая?

Хрен с ними, есть задачи и более актуальные. Я без команды, опустив автомат, который повис на ремне металлическим прикладом вверх, потянулся за «ярыгиным». Но Третьяк неожиданно положил широкую ладонь на мою руку и, отрицательно мотнув головой, пальцем указал на клевец. Затем ткнул в сторону зараженных, перевел взгляд на меня и, кровожадно резанув ладонью по горлу, довольно оскалился. Надо же, весельчак.

Каспер, наблюдая за этими пантомимами, привычно потянулся к средневековому инструменту, но крестный несколькими резкими жестами приказал ему прикрывать тылы. Затем, многозначительно посмотрев на парня, ободряюще кивнул ему и погрозил кулаком псу. Тот, спрятавшись за меня, показал в ответ белые острые зубы. И тоже молча. Рейдер ободряюще ткнул меня в бок, мол, давай, не тормози.

Послать на три буквы? Так ведь сам подписался приказы выполнять. Ладно, хрен бы с вами, если что, отобьют. Но до сих пор присутствовала у меня некая опаска рукопашной схватки. Памятна мне первая встреча с мертвецами, а еще я запомнил нечеловеческую силу мужика, которого пусть и не одной левой, но без особых усилий, будь он обычным, в бараний рог бы скрутил.

Вдохнул – выдохнул. Вот зачем этот геморрой? Есть же огнестрельное оружие! Нет, надо хрень какую-то придумать! Взвесил на руке клевец, примериваясь и оценивая, с кого начинать. Выбор пал на подьевшего мужика как самого матерого и опасного. И чего тянуть-то? Как там в классике? «Раззудись рука»? Замахнулся с одновременным шагом вперед и с силой опустил острый трехгранный клюв на затылок твари. Глухое «чвак», рывок рукояти. А так нехило я засадил! Не только черепушку продырявил, но и проломил ее ограничителями в виде затейливо извивающихся змей или драконов – не разглядывал особо, не испытываю пиетета к подобным девайсам. Тут же рванул пробойник рыцарской брони обратно, он легко, с таким же мерзким чавканьем, вышел из головы твари, попутно разбрызгивая в стороны смесь мозгов, крови и еще чего-то противного, прозрачно-слизкого. Тело мертвеца, как мешок с картошкой, еще только складывалось, а я, чуть повернувшись и замахнувшись, как лесоруб, вонзил смертоносную железяку в висок тетке.

Хруст. Чавк. Зараженная сама соскользнула с острого шипа, повинувшись инерции, которую придал импульс молодецкого удара, заваливаясь в сторону последнего живчика. Не знаю, верно ли я оценил степень угрозы, но мертвяк довольно ловко отскочил от туши, умудрившись в прыжке развернуться в мою сторону. Выражение у него было эдакое изумленно-восхищенное – «мы тут понимаешь, долбимся, долбимся, а еда вот она – руку только протяни». Затем он перевел взгляд на пол и одобрительно заурчал, заметив еще два тела. Радость в этом звуке была

неподдельной. Потом поднял голову, встретился со мной взглядом. Опять что-то могильное, нечто злое и враждебное всему человеческому глянуло на меня оттуда, из глубины глазниц. Абсолютное зло? Нет, я бы так не сказал, скорее нечто настолько чуждое нам по своей природе, что поневоле вызывало подспудный страх. Этот взгляд гипнотизировал, завораживал. И мороз по позвоночнику пронесся, волосы на загривке дыбом вставать начали, а ледяные мурашки не только по спине забегали, но и по рукам, ногам...

– Уррк, уррк! – оставшись довольным обстановкой, констатировал мертвяк и, вытягивая руки, совсем по-зомбиному сделал шаг в мою сторону. Я, сжав крепче клевец, ждал, когда он сделает еще несколько шагов, чтобы встретить его, как полагалось обычаями, клевцом. Но не успел...

Стремительная тень, совсем как в классике, беззвучно выскочив откуда-то из-за меня, пронеслась в направлении мертвеца. Примерно семьдесят килограммов Хека, а это был именно он, будто кеглю сбили с ног живую падаль. А пес, еще находясь в полете-прыжке, вонзил белые клыки в незащищенную шею зараженного и, приземляясь сверху, мотнул здоровенной башкой, отчего брызнувшая в разные стороны кровь попала на меня, Третьяка, забрызгала и выругавшегося Каспера, посчитавшего, что теперь можно не соблюдать режим шумомаскировки. Пацан, державшийся до этого молодцом, сделал три быстрых шага, а потом, опершись рукой о стеллаж с пивом, принялся шумно блевать.

Собака зарылась с утробным глухим рычанием в разорванную шею, послышался отчетливый хруст перемалываемых мощными челюстями позвонков. Затем Хеклер сам, без моего приказа, отошел от тела.

Я стоял без движения, пребывая в полном изумлении, даже в шоке от того, какую машину смерти сам, своими руками отпоил живцом. Пес же невозмутимо отряхнулся, а затем уткнулся головой в мой наколенник, измазав его свежей кровью. Вильнул хвостом-обрубком, горделиво глянул: «видишь, какой я молодец, хозяин».

– Молодец, молодец, хороший, – согласился я, трепля его за холку и шею, напоследок почесав между ушами.

– Не ожидал! Реально зверюга! – изумился крестный, добавляя несколько непечатных выражений в конце каждой фразы.

«Зверюга», обернувшись в его сторону, многозначительно показала зубы, Третьяк же продемонстрировал увесистый кулак, покачал им.

– Ты мне еще поскалься, поскалься! Запомни, шавка, я тебе не пустыш, сам загрызу! – и, не отводя взгляда, тоже показал десны.

Хеклер глухо зарычал, но смотрел в первую очередь на мою реакцию: мол, хозяин, только скажи, я его вмиг порву, достал!

– Вы еще полайте друг на друга! Вот будет весело! Чисто цирк! Только пока не начинайте, сейчас я поп-корн притащу, – вовремя влез Каспер и заржал, да заразительно так, сука.

Парнишка, уже справившись с позывами своего желудка, деловито схватил за ноги толстую тетку, которая мешала проходу к двери, и принялся оттаскивать в сторону. Та, оставляя за собой размазанный кровавый след, довольно легко проехала по гладкому полу метра два, где и была брошена. Странно, такое ощущение, что хипстер трупы сотнями с места на место перетаскивал! А чего тогда блевал? Парень же, как ни в чем не бывало, убирал первого живчика, матерясь сквозь зубы на вонь. Загрызенный собакой проникновению в подсобку не мешал, поэтому удостоился только легкого пинка в бок, с пояснением:

– В рот кровь этой твари прилетела, когда собака ей горло рванула, вот и не выдержал.

Не дожидаясь нашей реакции, он принялся стучать в дверь.

– Алена, это я! Алексей! Леша! Открывай! Алена! Ты жива?

– «Открывай», – передразнил его крестный, отодвигая в сторону, а затем с резким выдохом ударил ногой на уровне замка. Та распахнулась, хлопнув по стене или чему-то там за нею.

Парень вновь залез вперед, ловко проскользнув между косяком и Третьяком, не успевшим поймать его за плечо.

– Дебил, мля! Давайте, парни, резко! – махнул он рукой, заскакивая вслед с «Валом» на изготовку.

Это был небольшой склад, ворота которого выходили внутрь двора жилого дома. Холодильники, стеллажи, пролеты, коробки. Везде пусто – ни живой души, ни мертвой. Парнишка же, наученный крестным, с нескольких ударов выбил еще одну дверь, которая привела нас в еще одну подсобку, которая, видимо, для персонала магазина служила и гардеробной, и комнатой отдыха, и столовой. По крайней мере, здесь был длинный стол, диван, несколько стульев, шкафы и вешалки, старенькая микроволновка и электрический чайник, в углу стоял кулер.

Пока я просто осматривался, поскольку опасности не наблюдалось, Третьяк отстегнул от пояса флягу, за шкурку, будто нашкодившего котенка, оттащил парня в сторону от дивана, где, тихо постанывая, лежала без движения девушка. Она действительно немного походила на упомянутую Ким. Такой же нос, большие темные глаза, которые скрывались за очками с линзами в полсантиметра толщиной. Пухлые губы стали сухими, растрескались, шикарные черные волосы даже сейчас отливали на проникающем в зарешеченное окно солнце, будто воронье крыло. Бюст тоже подходил под описание – уж точно не меньше четвертого размера. Даже при том, что она лежала на спине, выделялись не какие-то холмики – горы! Да и задница, туго обтянутая джинсами, соответствовала кимовской – большая и, видимо, очень плотная. Вот только рост девушки – примерно метр пятьдесят-шестьдесят. Именно из-за него все достоинства нивелировались, превращаясь чуть ли не в недостатки, хотя уверен, ценители такой красоты имелись в избытке.

– И это Кардашьян?! – чуть не завопил Каспер, высунувшись из-за моей спины.

– Это человек! – спокойно и даже с неким вызовом ответил парень. – Фармацевт, научный работник. Вон там ювелирный, чуть дальше «Рыболов». – Он ткнул рукой в нужном направлении.

– Да кому они нужны! – досадливо отмахнулся рейдер.

– Буду в зале, – уведомил я крестного и одновременно командира. Один черт, моей помощи здесь не требовалось, а надо было много еще чего взять. Например?

Водки пару бутылок, а лучше коньяка, живец развести, мои-то припасы сожрали и вылакали, а что не съели, я по старой русской таежной традиции оставил в бункере. Мало ли, вдруг и мне доведется воспользоваться чьим-то гостеприимством. Еще здоровенный пес нуждался в корме, даром что сам с теленка, так еще и щенки. А те должны есть гораздо больше взрослой особи, как-никак растущий организм. Может, и зря меня обрадовали гастрономические предпочтения подопечного, когда он не стал лакомиться, пусть и измененной, но человеческой. С другой стороны, приучить недолго. Дурное дело, как говорится, нехитрое.

Пес крутился возле меня, заглядывал в глаза, вилял хвостом, ластился. Мне не жалко, потрепал его по загривку, и мы направились в торговый зал. В хозяйственном отделе взял пару пластиковых собачьих мисок, тут же рядом захватил собачий корм. Принес пятилитровую бутылку с питьевой водой, налил Хеку, заполнив попутно свою пустую флягу. Полминуты ушло на то, чтобы захватить литр спиртного. Хватит? Вполне. Пару пачек сигарет на всякий случай. Консервы, несколько шоколадных батончиков, ну и тушенки пару банок, галеты. Все.

Показался парень с клетчатым баулом, любимым челноками за прочность и вместительность. Хипстер, практически не разбирая, принялся кидать в него шоколад, печенье, кока-колу, чипсы, а увидев мой взгляд, пояснил, не отрываясь от дела:

– Девочкам. Со вчерашнего дня никто нормально не ел, а некоторые и дольше. Вроде бы кругом магазинов полно, заходи в любой, бери, что хочешь. Рай... Но мертвецов всяких полно, а в квартире, где ночь провели, из съестного почти ничего не было.

Надо же, заботливый какой, чисто папаша большого семейства. Интересно, оценят дамы или посчитают, что так и должно быть?

Затем показались Малышка Ким, так отчего-то сразу я окрестил мысленно спасенную, передвигалась она вполне бодро, вид имела решительный, а когда появившийся Каспер сказал ей что-то, ответила так, что тот даже на месте замер, а потом заржал громко, в голос, закинув голову к потолку. Разговаривали они тихо, поэтому само содержание беседы не услышал. Веселье прервал показавшийся Третьяк, на красной морде – озабоченная настороженность.

– Давайте все на выход! Уже давно из графика выбились, – хмуро пробасил он.

Проходя мимо касс, он не смог удержаться, замер на минуту, не меньше, а потом сгреб широкой лапой десяток упаковок мятной жвачки, одну из которых тут же распечатал и с выражением райского наслаждения на физиономии – куда той рекламе! – закинул в пасть сразу несколько подушечек.

Выглянули, осмотрелись.

Все по-прежнему, никаких изменений. Пустая улица, те же брошенные машины, оглушающая тишина, заставляющая напрягаться от любых инородных звуков. Отчетливо слышен был даже звук шагов, а уж как цокали каблук девушки, пусть и небольшие! На другой стороне дороги бросилась в глаза вывеска «Удачная рыбалка», чуть дальше «Золотой телец» – хорошее название для магазина, торгующего украшениями из презренного металла там, где большая часть жителей, по утверждению разных социологов, соотносит себя с христианской верой.

Обратно к колонне шли быстро, не прячась, как на прогулке, никаких тебе перебежек, поиска укрытий. Хеклер – вот точно, такие умные собаки попадают одна на миллион, и мне с ним удивительно повезло – не бегал по-идиотски вокруг с лаем, шумом и сопением, а держался чуть впереди, принюхивался, прислушивался и лишь один раз чуть отстал по уважительной причине – задрал массивную лапу возле бетонного столба, но не метя территорию, а, похоже, припекло бедолагу.

Когда я обернулся и зачем-то посмотрел на недостроенное здание, в котором ранее облом трубу я принял за винтовку снайпера, то по спине в который раз за сегодня забегали мурашки, каждая величиной с приличного таракана. Привыкнуть ко всему необычному вроде бы уже должен, но нет. До печенок пробрало, и было с чего. На уровне седьмого этажа на стене был намалеван черный квадрат, которого раньше не было и который в том месте без специального альпинистского снаряжения не получилось бы нарисовать.

– Ты чего обмер? – спросил Третьяк. Видимо, я не справился с эмоциями, и на лице что-то отразилось.

– Да опять показалось.

– Креститься надо! – вылез Каспер, но я его проигнорировал. Конечно, в других условиях на дантиста он уже пару раз себе заработал бы, а так – не до него.

– Я тоже сначала за снайпера принял этот хлам, – поделился крестный, сосредоточенно двигая челюстями. – Издалека не отличишь от лежащего с винтовкой человека. Еще это затемнение.

– Ага, так и есть, – согласился с ним я и обернулся к вновь отставшей собаке, подозрительно смотрящей куда-то назад. Что там увидел пес, неизвестно. – Хек, давай ко мне!

Пес, довольный, с вываленным языком, подбежал. Я его погладил, потрепал за короткую шею и даже весело щелкнул по носу, а на душе опять скребли кошки, затылок холодил страх. И все внутри кричало – быть беде. Обязательно быть.

* * *

Гранит, словно пыльный и грязный черт из табакерки, по пояс высунулся из люка бронетранспортера. Несколько раз командир успел проорать про «время!» и «резче!» – придал, так

сказать, ускорение. А собаку и крестного одарил таким взглядом, с каким обычно прижатая подошвой ботинка к земле крыса смотрит на людей. Глаза покрасневшие, в них плескалась бессильная злоба, смог бы добраться до горла, перекусил бы в два счета. Перегрыз бы.

Тяжелая бронированная дверь только поползла вверх, а мощный двигатель, рыкнув, бросил машину вперед. Я едва обратно не вывалился, успев в последний момент ухватиться за поручень.

– Не дрова, сука, везешь! – справедливо в голос матюгнулся Каспер в адрес водителя.

Действительно, почему не сделать все по-человечески? Плавно, легко. Ведь автомобиль, как и раньше, пополз с пешеходной скоростью.

Хипстер с видом папаши, привезшего из заморских стран дочкам подарки, вручал девицам набранную в магазине еду. Те, не будь дурами, хвалили парня на все лады, отчего тот совсем надулся, а лицо засияло начищенным пятком. Приосанился, подобрался, ни дать ни взять Тарзан, победитель пустышей в каменных джунглях, кормилец и добытчик провианта.

Малышка Ким, оценивая диспозицию и закрепляя успех, а также метя собственность, по-хозяйски положила руку на бедро молодого человека, поймав пару злобных взглядов. Но по умным глазам девушки было понятно, что свой выбор она сделала, а больше здесь никому и ничего не светило. Любовь и голуби, мать его так.

Я вынужден был расположиться возле самого входа, около крестного. Мое место рядом с водителем облюбовала новоявленная валькирия Ирия.

Хеклер улегся у ног, положив тяжеленную башку на мой ботинок, и по всем признакам намеревался поспать. Зевнул так сладко, что и мне захотелось. На несколько радостно-удивленно-восторженных «какая собачка!» прореагировал с достоинством, посмотрев на меня с эдакой полуулыбкой. В глазах читалось: мол, что, алабаев никогда не видели? Повозился, устраиваясь удобнее. Задремал.

– Минут двадцать еще будем ползти, – вполне спокойно произнес Третьяк, однако его вид не вязался с тоном, крестный был насторожен, собран, сосредоточен. Сжатая пружина, тронь – распрямится. Каспер, пройдясь по салону, вернулся и плюхнулся на кресло напротив меня. Вид такой же, как у крестного. Места опасные?

– Чего плетемся? – спросил я.

– Плотная городская застройка, – правильно понял контекст вопроса рейдер, – Дохлер не восстановился. Зараженные же быстрые, падлы. Особенно матерые. Если собьются в кучу те, которые для нас опасны, то догонят и перегонят даже, если будем выжимать километров сорок в час – возможный здесь максимум. Пробок – вагон. Шум двигателей разносится далеко. Всем, кто имеет уши, мы о себе рассказали. Вот и получается вилка. Быстрее ехать – влететь в засаду, как два пальца. Медленнее же – можно собрать всех, кто бродит по окрестностям. А при нашей скорости Гранит или тот же Гыча, на крайняк Москвич, могут успеть обнаружить близкую засаду, и мы хоть как-то успеем среагировать. А там либо на прорыв, либо отбиваться.

– Ясно.

– Нужная нам точка почти на выезде на противоположной стороне города, и объехать этот Урюпинск никак нельзя. В любом случае через него пришлось бы пробираться. Западнее забирать, там сейчас настоящий ад. И совсем без вариантов, даже с Дохлером. Восточнее – тоже тот еще тот гемор, там несколько кластеров заклинивших, плюс с пяток может на перезагрузку в любой момент уйти. И все как один – соты большие, обновление мгновенное. Кисляком только завоняло, меньше минуты, и до свидания.

Каспер делал вид, что разговор ему неинтересен, но в конце подтверждающе кивнул. Впрочем, крестный и рейдер минут через пять-десять расслабились, к этому располагала общая безмятежность и атмосфера какого-то дурацкого благодушия, исходящего от спасенных.

С теми как раз все понятно, не успели особо лиха хлебнуть, многое видели, но далеко не все. Сейчас они перекусили, вроде бы в безопасности – внутри огромной бронированной машины, вокруг лояльно настроенные вооруженные люди, боевая техника с крутыми пушками и крупнокалиберными пулеметами. Оттаяли, рассказывали взхлеб о каких-то страшных и смешных случаях и моментах за прошедшие сутки. Часто смеялись, вроде бы весело, но истеричные нотки нет-нет и проскальзывали. А в целом – облегчение, будто все уже закончилось. Завершилось. Вон и Каспер с легкостью влился в их беседу, тоже что-то говорил, размахивая руками. Третьяк прятал улыбку в усы.

У меня же на душе вновь тяжесть, а еще тоска подступила, хоть в петлю. Очередной выверт психики? А черт его знает...

Но автомат под руку, проверил клапаны гранатных кармашков. Гранатомет, который до этого скинул, снова, несмотря на ухмылку Каспера, пристроил за плечи.

– Не суетись, пока все ровно, – тихо сказал Третьяк, но подобрался и сам. Решил не игнорировать мою чуйку?

Чувство неосознанной тревоги давило, такие покалывающие мурашки, какой-то непонятный дискомфорт. И возникшие ассоциации, как вчера... Вот ведь, это было всего лишь вчера! Когда прилетел вертолет ресов, мы так же радовались, обнимались, смеялись, вроде бы спаслись, все плохое позади. На деле же... В любом случае ужас только начинался, выбрались бы из Пекла и попали бы прямиком на столы мясников.

Сейчас еще и неопределенность, неясность будущего давила. Могут нам лапшу на уши вешать рейдеры? Вполне. Приедем, а там баб в бордель, нас на хозработы. Свежаков обижать нельзя? Вон Каспер завалил мужика, пусть и случайно, и в ус не дул. Склабился.

Поэтому расслабляться не стоило нигде и никогда, пока не будет ясна обстановка, а то уже этих малознакомых мужиков считаю чуть ли не братьями по оружию, а выдаваемую ими информацию воспринимаю как единственно верную. Так нельзя! Проверка-перепроверка, и всегда помнить об эффекте «врет как очевидец».

– Зачем нужно было врукопашную с мертвяками рубиться? – спросил Третьяка, чтобы отвлечься.

– Тебе не нравится, что ты сделал мир чище? – влез Каспер.

– Ты бы закрылся, – вполне спокойно ответил Третьяк, а рейдер, к моему изумлению, не полез в бутылку.

– Патроны, – лаконично произнес крестный. – И простая математика с экономикой. Сам подумай, патрон стоит денег или споранов. Его гораздо труднее добыть, чем холодняк, и не смотри, что типа сейчас ты на коне, на деле всех твоих запасов – на несколько хороших пострелушек. За пустышей тебе БК никто восстанавливать не будет. Его тебе вернут, но после беседы с Гранитом, а тот все выпросит. Дотошный, су... – он проглотил окончание фразы. Да, непросто все у них, очень непросто. – Вот и считай сам. Надолго ли тебе хватит, когда ты расходует что-то без прибыли? Еще это для тебя тренировка, ты должен уметь убивать зараженных всегда, везде и хоть чем, хотя бы низших. Ты мой крестник или хрен собачий?

Хеклер заворчал во сне.

* * *

Конечное место нашего прибытия мне категорически не понравилось. Свернули с главной дороги направо, проехали метров двести-триста. Затем «Тайфун» замер, а Третьяк приказал – «на выход».

Мы оказались в тупике. Нужно нам здание – всего в три, пусть и высоких, этажа, торговый комплекс «Теремок». Оно стояло на возвышении, находясь практически на набережной обмелевшей, но довольно широкой реки, чье русло сковывали бетонные плиты.

Справа вниз спускались ступеньки узкой пешеходной дорожки, куда втиснуться было возможно только на легковом автомобиле. Массивные парапеты делали практически невозможным любое движение в эту сторону. Слева какая-то шарага: «Колледж дизайна и технологий». Прорваться через его территорию тоже вряд ли получилось бы, здание хоть и обновленное, но старой, еще советской постройки, по традиции окруженное высоким забором. В те времена на железобетонных конструкциях не экономили. Что там, за колледжем, тоже неизвестно, все тонуло в густой зелени. Обзор нулевой. Вдоль дороги от перекрестка вытянулись пяти- и девятиэтажные здания. И до первого поворота во дворы от здания торгового центра расстояние не менее ста метров, но лично я не рискнул бы с такой техникой в них соваться. Таким образом, оставался единственный путь – та самая, пусть и широкая, но единственная дорога, по которой мы и добрались.

Хорошо, когда можно не соблюдать никаких правил. Технику под погрузку подогнали к десятку ступеней, ведущих ко входу. Бэтэры встали полукругом, внутри которого расположились остальные небоевые единицы. Сначала нам пришлось пусть и не тщательно, но проверить три этажа здания. Было тихо, безлюдно, и даже никакого беспорядка. Каждый павильон заперт.

– Кластер ночью на перезагрузку ушел, – пояснил Третьяк.

Хорошо, что необходимый нам магазин защищенной электроники находился на первом этаже. Третьяк довольно ловко вскрыл помещение, а затем началось то, что обычно именуется «ад». Таскать коробки было еще той задачей, учитывая, что с автоматом и гранатометом я не расстался бы ни за какие коврижки. К нам присоединились Москвич и Каштан, Дохлер отдыхал в бэтэре, поэтому в прикрытии не нуждался. Присоединившиеся пыхтели, ржали, матерились и, как обычно, лучились оптимизмом.

Не меньше двух часов провозились. Хипстера и спасенных к погрузке не привлекли. Я на месте командира постарался бы использовать дармовую рабочую силу, быстрее управились бы. Но Гранит считал иначе. Однако парень не сидел без дела, а вместе с парой мужиков совершил несколько набегов с огромными баулами на павильоны с одеждой. Не забыл и себя. Сейчас он сменил дурацкие и неудобные по местным реалиям штаны на «горку». Выпускать же самих дам на вольную охоту за шмотьем даже командир не решился.

По настоянию Третьяка я обзавелся защищенным ноутбуком, таким же планшетом и смартфоном. От себя добавил к этой линейке гаджетов неплохую цифровую камеру, диктофон.

– У нас все есть, и сетка, и соты, сам увидишь, – прокомментировал тот.

Занимались хозяйственной деятельностью неторопливо и с чувством, никто не бежал сломя голову. Даже перекур с перекусом организовали. Отчего я едва зубами не закрипел. Злости на этих беспечных идиотов было море. Много рассуждали об опасностях, но при этом зачастую плевали с высокой колокольни на свои же рассказы.

Наконец загрузили все.

Я закурил, остановившись возле «Бумеранга», ко мне подошел Каспер, за ним показался невозмутимый Третьяк. Тот по своему обыкновению закинул с удовольствием пару подушечек жвачки в рот.

– Через десять минут выдвигаемся! – послышался в общем канале приказ Гранита.

Я уже собирался выкидывать сигарету, как коротко и совсем по-бабьи охнул Каспер, смотря куда-то мне за спину:

– Дождались!

Обернулся и... в штаны будто льда сыпанули, да щедро так! И мурашки по всему телу, каждая с кочевого муравья! Холод по позвоночнику такой, словно плеснули не меньше трех ведер жидкого азота. Проморозило каждую клеточку. И ощущение, что само время замерло. Замедлилось.

Метрах в ста пятидесяти от перекрестка в нашу сторону, стремительно сокращая расстояние, неслось несколько элитных монстров. Типичные гориллообразные мутанты отталки-

вались всеми четырьмя конечностями от асфальта, перемещались причудливыми прыжками. Траектории изломанные, зигзагами, они часто скакали с одной стороны дороги на другую. Иногда приземлялись на крыши автомобилей, сминая их, сбивая. Грохот, скрежет, громкое недовольное урчание, редкий вой сигнализаций. Четыре жемчужника!

Рядом с тем же перекрестком на первом этаже девятиэтажного дома располагался супермаркет «Пятерочка». И в этот миг его огромные стеклянные витрины будто взорвались изнутри, осыпались мириадами блестящих на солнце осколков. И сразу непонятно откуда повалили рубли, кусачи, топтуны и прочая мелочь. Но их отметил краем глаза. Потому что это было ерундой, сущей и полной, ничего не стоящей ерундой!

Над перекрестком пролетела какая-то иномарка, находясь над дорогой не менее чем в трех метрах. Она, вращаясь в воздухе, показывала то днище, то крышу. Передние двери распахнулись и напоминали огромные хлопающие уши. Обгоняя автомобиль, вынеслась, разворачиваясь в нашу сторону, здоровенная тварь. Ее зад занесло, совсем как в дебильных американских мультфильмах. И он врезался в китайский грузовичок. Глухой, но отчетливо слышимый удар. В кузове образовалась огромная вмятина, а сам трудяга с некой лентой завалился на бок.

Именно в этот момент мне удалось разглядеть монстра. Длинный приземистый силуэт тела, казалось, стелился по земле, напоминал кошачий. Однако стоящий рядом светофор четко позволял определить размеры: два с половиной – три метра в холке! Точно, не меньше! Непомерно широкая грудь, узкая талия, мощная массивная голова, грива...

Знакомые, очень знакомые очертания, пусть и измененные!

Да это лев! Мать его так!

Это пидарский отожравшийся африканский лев!

Если ворота в древнегреческий загробный мир Аид, где протекала река Стикс, и охранял на цепи ужасный Цербер, то он мог выглядеть именно так. Убираем две ненужные головы – и вот она, воплощенная в реальность совершенная машина для убийства. Грубая титаническая сила, помноженная на ярость и убийственность. Даже на таком расстоянии было видно, как ритмично сокращались в такт движениям гипертрофированные могучие мышцы под костяной броней. Когти высекали искры из асфальта, вырывали целые куски, летящие в разные стороны.

По позвоночнику шел тройной ряд лезвий. Голый мощный хвост заканчивался массивным шаром, которым тварь даже невзначай сминала автомобильную жест стоящих вдоль обочины нередких машин. Грива напоминала щетину дикобраза, но уж очень крупными были иглы.

Морда льва вытянулась, заострилась, небольшие глаза прятались где-то в глубине черепной коробки. Адская трансформация не миновала и челюсти животного, они и без того были приличных размеров, теперь вытянулись, стали совсем как у крокодила.

Остальные твари на фоне этого чуда Улья терялись, они вообще не смотрелись, от слова «никак». Не исходило от них такой зловещей, ни с чем не сравнимой угрозы.

Тот же, справившись с инерцией, смешно загребая огромными передними и задними лапами, навелся на наше столпотворение и, прыгнув с места, преодолел зараз не менее семи-десяти метров. Затем взял низкий старт, совсем по-бычьему нагнув массивную башку. Двигался без всяких демонстрируемых элитой изысков, прямо, будто скоростной поезд по рельсам, и так же стремительно, неудержимо.

Лев не обращал внимания на других собратьев по заразе, проделывая в их рядах широкую просеку. Тех, кто не успевал убраться с пути, он подминал, растаптывал, плюшил. Те же, кого он задевал огромными когтями, разваливались пополам, теряли конечности. Части тел тварей летели с красными брызгами в разные стороны.

Убийственная энергия железнодорожного состава, который сейчас разгонялся до бешеной скорости, была направлена на нас, и она смела бы всех в едином порыве. Мы же, как иди-

оты, стояли и смотрели на приближающуюся смерть, открыв рты и пуская слюни. Дьявольская хренотень!

Завыл Хек. Обреченно, по-волчьи.

Я перевел взгляд на собаку – шерсть вздыблена, обрубки ушей торчком. И вой Хека вдруг развевал вселяемый тварью даже не ужас, а обезьяний ступор перед удавом.

Время вновь ускорилося. Стало обычным.

– Черт возьми! – заорал Третьяк, бешено вращая глазами, и потянулся к тангете, успев крикнуть: – Гранит!..

И тут же мощно ухнула пушка.

Да так, что зазвенело в ушах и некоторые стекла у близлежащих зданий посыпались.

Раз. Второй... Еще и еще!

«БТР-82» раскачивался на зубастых колесах. Что-то, будто сквозь подушку, бубнила рация. Неплохо меня глушануло! До мерзкого звона!

Сам не понял, как вжал приклад автомата в плечо и... опустил. Чтоб их разорвало, всех этих тварей, я что, совсем с головой дружить перестал?! Да им валовский дозвуковой патрон с такого расстояния – как горох, как припарки, как легкий и нежный бриз!

Взревел двигатель «Бумеранга», отчего-то негромко, а затем и у него вспышка взметнулась из ствола. Меня обдало с ног до головы почти черным солярным выхлопом.

Дудухх!..

К пушкам с секундной задержкой присоединились «КПВТ».

Долбили коротко, четко.

Что-то орали в наушник рации.

Снаряды же, несмотря на снайперские дары рейдеров у гашеток, ложились и летели куда угодно, но только не в главную тварь! Да они что там, совсем зрения лишились?

Двух элитников срубили в первые секунды боя, почти перерубив пополам. Дотянулись и до третьего. И при этом никто не попал в монстра размерами почти с «КамАЗ»! Снаряды и пули летели и ложились куда угодно, только не в него. Разрывы и искры появлялись то на асфальте, то в гуще спешащих на обед зараженных. Лев же был неуязвим.

Вот он обогнал последнего оставшегося в живых жемчужника, который, будто по команде, пристроился ему в хвост.

Других, менее опасных монстров, казалось, стало еще больше! Руберы, кусачи, лоторейщики! Да сколько же вас тут?!

Вот тебе и Дары! Почему не срабатывают?

Мозги наконец-то включились. Упал на одно колено на асфальт, отчего нога сразу отозвалась болью, несмотря на наколенник. Одновременно каким-то слитным, единым движением, которое оказалось удивительным даже для меня самого, привел «Аглень» в боевую готовность. Руки будто жили отдельно от мозга, сейчас еще до конца не сориентировавшегося.

Перевод в боевое положение.

К плечу.

Прицел. Взять упреждение.

Огонь!

И пальцы утопили спусковой рычаг вниз.

Долго, очень долго ничего не происходило, а затем хлопок, шипение. Совсем негромкое на фоне общей какофонии и заполошной автоматной стрельбы. Резкий рывок пускового контейнера.

Кумулятивный бронебойный заряд покинул отчий дом, отправляясь на встречу с мясом. С горой мяса! Реактивная струя принесла кроме вонии сгоревшего топлива дикий вой, ор, мат.

А затем рация заверещала:

– Люгер, Люгер! Мудак! Мудила! Мудазво-о-он!

Пошли вы все! Кто не спрятался, я не виноват!

Оставляя дымный след, гостинец пришел по назначению, врезавшись в грудные пластины твари! Яркая вспышка! Какой-то непонятный отсвет. Взметающееся вверх облако густого, почти черного дыма.

Лев будто налетел на стену, однако на первый взгляд ничего ему боевая часть, предназначенная вскрывать танковую броню, не сделала – видимых разрушений шкуры не наблюдалось. Измененное животное лишь, словно пьяное, покачивалось на месте. Затем царь зверей мощно встряхнулся, а костяная булава на хвосте угодила прямо в голову оказавшегося на ее пути рубера, попав куда-то в височную область, и только кровавые ошметки в разные стороны брызнули.

Мат рвался из груди сам. Словно услышав меня, тело твари рванули снаряды пушек. Затем грохнуло, «Бумеранг» еще ниже, чем обычно, просел на колесах, а рядом со мной, в каком-то метре, прошла реактивная струя, даже здесь ее огненное дыхание опалило жаром.

Додумались! Сообразили-таки!

Но противотанковая ракета предназначалась для других зараженных, потому что в какие-то доли секунды нащупавшие льва пушки и крупнокалиберные пулеметы перемололи его в кусок мяса, сочащийся кровью. Мертвого мяса! И последнего элитника до кучи!

Ай молодцы!

Смерть предводителей не смутила остальных тварей. Перли на нас толпой, быстро приближаясь. До первой линии зараженных оставалось всего ничего, навскидку какие-то тридцать-сорок метров. Плохо соображая, что делаю, выдернул из кармашка тяжелую «эфку» и, сделав два длинных стремительных шага, со всего размаха запустил ее куда-то туда, в самую гущу.

Сам не понял, как оказался на земле за «Бумерангом». Это Каспер рванул меня за шиворот, прижимая мою голову к асфальту, давил он сильно. Хлопок гранаты почти потонул в других звуках.

Рейдер поднял башку, посмотрел на меня, а потом довольно осклабился и потряс одобрительно поднятым вверх большим пальцем. В глазах настоящее сумасшествие, реальное безумие – восторг, некое упоение, злая радость. Смотришь в такие и понимаешь – человек на своем месте.

Он же уже стрелял из автомата, выцеливая особо быстрых и тупых, бил короткими, на два-три патрона, очередями. Все звуки растворялись, глушились звоном в ушах. Я ориентировался больше по коротким вспышкам.

– С тыла, с тыла! Суки! С тыла! Магазин! Магазин! – визжал в рацию Дохлер на общем канале. Похоже, орал он изо всех своих дохлеровских сил, до меня же донесся только приглушенный звук, больше по тону понял его эмоции. Их накал.

Вскинул автомат, разворачиваюсь. Бросился за «Тайфун». И вовремя. Витрины нами ограбленного комплекса рассыпались на тысячи и тысячи осколков. В брызгах стекла вынесся элитник, небольшой, молодой, но все равно смертельно опасный. Для всех.

Сзади истошный визг, я на секунду обернулся. Из бронированного убежища сейчас враспынную разбегаются спасенные девчушки, впереди бежал водила с укоротом, лицо перекошенное, бледное, глаза выпучены. Хипстер же орал что-то на входе в «Тайфун», он успел схватить за плечо Малышку Ким и рывком отправить ее обратно в нутро автомобиля.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.